

В. Л. МАЛЬКОВ

Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре»*

<Фрагменты>

<...>

На глазах у поколений, вошедших в период зрелости в первой трети XX века, внешний мир обретал совершенно новые очертания. Локальные конфликты перерастали в мировые войны, распадались империи, революции обретали характер цепной реакции, экономические кризисы становились все разрушительнее, а упадок культуры — прогрессирующим явлением. Усовершенствование оружия уничтожения привело к созданию атомной бомбы.

Франклин Делано Рузвельт, ставший 32-м президентом США, с юношеских лет находился в гуще этих перемен, наблюдал их с близкого расстояния и в разных географических поясах. У себя на родине в США, в Европе, в Центральной и Южной Америке. Он был их участником, а с определенного момента — постоянным инициатором и исполнителем тех или иных решений, в зависимости от которых объективно оказывались миллионы людей, целые народы, армии и флоты. Политическая история США с начала XX века и вплоть до конца Второй мировой войны напрямую связана с именем Рузвельта. Понятно, что найти правильные пропорции в воссоздании общего внешнего фона и не потерять связующую нить в жизнеописании личности, которая на большом отрезке времени была действующим фактором мировой истории, является делом непростым.

* Впервые: *Мальков В. Л.* Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре». М.: Яуза, 2011. Печатается по этому изданию. С. 2, 40–60, 79–96, 266–274. — *Примеч. сост.*

Но помимо трудности в передаче исторического контекста существует и другая специфическая сложность для историка, вступающего в жанре биографии. Удивление всех, кто когда-либо старался увидеть и показать во всем возможном правдоподобии незаурядную личность Рузвельта, вызывало открытие, сколь органично для окружающих его членов семьи, родных, друзей, политических единомышленников и оппонентов, ближайших помощников он входил и оставался до конца своих дней в избранную им для себя жизнь карьерного политика, государственного деятеля, президента США, Верховного главнокомандующего. Им были проявлены поразительные выдержка и самообладание, несмотря на страшный удар природы, сделавший его навсегда инвалидом, и приговор политического истеблишмента, отказавшегося в какой-то момент видеть в нем себе равного претендента на высшие должности и вообще на участие в каких-либо политических кампаниях. Загадкой для очень многих является, каким образом Рузвельту хватило сил, минуя болезненную реакцию ухода в себя, овладеть защитным механизмом от неврозов и не возводить между собой и окружающим миром невидимую стену одиночества.

Рузвельт, будучи избранным президентом США в трагическом для страны 1932 г., ухитрился при этом сохранить хладнокровие и рассудочность в условиях всеобщего страха и растерянности. Многие его современники, люди 30–40-х годов, политики, журналисты, дипломаты и военные деятели не только вообще не замечали у него (до самых его последних дней) никаких отклонений, но порой даже напрочь забывали, что перед ними человек в инвалидной коляске, который не в состоянии самостоятельно передвигаться. Личность Рузвельта, его не типичная для американского президента мобильность, постоянные общения с народом в самых различных местах и в самое разное время, выезды на встречи в верхах в Тегеран*, Ялту**,

* Первая встреча «большой тройки» на конференции в Тегеране в 22.11–01.12.1943. Конференция была призвана разработать окончательную стратегию борьбы против Германии и ее союзников. Также на ней был решен ряд вопросов о послевоенном устройстве мира и созданию ООН. — *Примеч. сост.*

** Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав 4–11.02.1945 — вторая по счету встреча лидеров стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — во время Второй мировой войны, посвященная установлению послевоенного мирового порядка. — *Примеч. сост.*

Касабланку*, Канаду** и т. д. создавали образ абсолютно уверенного в себе человека, всегда в любых ситуациях сохранявшего уравновешенность. Какие-то черты делали его похожим на Моцарта от политики. И все же, что скрывалось за внешней личиной и высоким физическим тонусом этого жизнелюбивого, улыбающегося знаменитой улыбкой человека? Вот вопрос, который всегда будет волновать исследователей, и едва ли кто-либо сегодня может сказать, что знает на него исчерпывающий ответ...

<...>

Как помочь «забытому человеку»?

Главным призом демократов на выборах 1928 г. было губернаторское кресло в штате Нью-Йорк. Победа Рузвельта удивила его самого и боссов партии. Ожидание неудачи было связано не только с утратой Демократической партией популярности у избирателей, но и с опасениями, что претендент сам по себе скорее оттолкнет, чем привлечет голоса. У вступившего на путь борьбы за победу в «имперском штате» Рузвельта с точки зрения стандартных критериев было слишком много слабых мест. В прошлом он никогда не избирался на выборную должность более высокого уровня, чем скромное место в легислатуре штата, потерпел поражение на президентских выборах, в которых участвовал в качестве кандидата демократов на пост вице-президента, связал себя с прогрессистским крылом партии в эпоху расцвета консерватизма и, наконец, был частично парализован.

Сам Рузвельт тоже не надеялся на успех, да и не хотел, как мы видели, его по той простой причине, что такой успех неизбежно сделал бы его кандидатом демократов на выборах 1932 г., победить на которых никто в Таммани-холле (штаб-квартира Демократической партии. — В. М.) и не рассчитывал. Поскольку боссы-демократы считали, что «республиканское процветание» будет длиться долго, Рузвельт и Л. Хоу секретно планировали

* Касабланкская конференция 14–24 января 1943 г. лидеров и военного руководства США и Великобритании. На ней союзники впервые изложили для прессы официальные цели войны: безоговорочная капитуляция Германской империи, фашистской Италии и Японии. — *Примеч. сост.*

** Англо-американская конференция в Арджентии близ Ньюфаундленда проходила с 9 по 12 августа 1941 г. На ней была принята «Атлантическая Хартия». — *Примеч. сост.*

начать борьбу за Белый дом только в 1936 г. Помимо своей воли (и это глубоко символично), таким образом, в 1928 г. Рузвельт сделал первый шаг к президентству. Дальше ход событий принуждал его часто изменять самому себе. Ирония судьбы? И да, и нет. Политик-прагматик, Рузвельт чувствовал себя непринужденно в любой ситуации, заранее готовый к любым неожиданностям.

Став губернатором Нью-Йорка и оказавшись лицом к лицу с самым крупным очагом национального бедствия, Рузвельт поддался инерции движения. Он опасался прослыть радикалом, а потому следовал в принципе тем же курсом, что и республиканская администрация. Лишь в августе 1931 г. губернатор Нью-Йорка решил создать Временную чрезвычайную администрацию помощи в штате Нью-Йорк (ТЕРА), которая призвана была осуществить некоторые мероприятия, вызванные неотложными нуждами обеспечения материальной помощью семей безработных. Первоначально Рузвельт полагал, что надобность в ТЕРА сама по себе вскоре отпадет, и потому заботился главным образом о том, чтобы все начинание выглядело как можно благопристойнее в глазах консервативных критиков. Они с возделением смотрели на него, полагая, что через два года, на очередных выборах губернатора Рузвельт будет представлять собой политический труп на фоне ликующих сторонников консерватизма. Ему удалось уговорить встать во главе ТЕРА Джесси Страуса, председателя правления торговой фирмы «Мейсис и К°». Величественный Страус, не представлявший, как подступиться к делу, дав согласие, занялся поисками такого директора-распорядителя, на которого можно было бы свалить вину, если бы затея с ТЕРА провалилась. А в этом почти никто не сомневался. Увы, все попытки найти нужного человека, казалось, будут безуспешными: никто не хотел выступать в роли мальчика для порки. Неожиданно удалось получить согласие возглавить «безнадежное дело» скромного деятеля системы благотворительной помощи Нью-Йорка Гарри Гопкинса. Рузвельт никогда не жалел о своем выборе.

Уже вскоре Страус постарался избавиться от тягостных обязанностей президента ТЕРА и, выхлопотав себе пост посла во Франции, уехал туда. Он и Гопкинсу предложил поехать вместе с ним в качестве помощника. Последовал отказ. Перспектива стать «салонным шаркуном» Гопкинса не устраивала. Его планы простирались значительно дальше дипломатической карьеры и офисов госдепартамента. Освободившийся пост президента

ТЕРА, близость к губернатору открывали широкий простор для деятельности. Главное же, жить во имя физической ликвидации нищеты было призванием этого странного Дон Кихота из штата Айова. Гопкинс знал, что Рузвельт был доволен его бескорыстностью, предприимчивостью, лояльностью, умением находить выход из различных труднейших положений, не докучая жалобами и просьбами.

Большинство историков сходятся на том, что пребывание Рузвельта на посту губернатора Нью-Йорка не было ознаменовано какими-либо существенными достижениями в области трудового законодательства и материальной помощи. Экономика штата находилась в столь же плачевном состоянии, как и повсюду, а тем временем по большому счету власти в Олбани (столица штата Нью-Йорк) занимали такую же выжидательную позицию, как и республиканская администрация в Вашингтоне. Слово «реформа» в Нью-Йорке было так же непопулярно, как где-нибудь в Оклахома-сити, вотчине республиканцев и оплоте старого порядка.

Лишь ТЕРА на фоне полицейских жестокостей, чинимых правительством над безработными, давала Рузвельту то психологическое превосходство над Гувером, в котором он так нуждался, начиная дуэль за президентское кресло. После шумной и известной на весь мир, ничем не оправданной физической расправы над пришедшими летом 1932 г. в Вашингтон за помощью ветеранами Первой мировой войны, вызвавшей бурную реакцию в стране, Рузвельт возблагодарил собственное благоразумие, удержавшее его от рискованного шага — призыва под ружье Национальной гвардии для «усмирения» голодных бунтов в его собственном штате, Нью-Йорке. К тому моменту, когда в связи с ростом безработицы обстановка в штате достигла особого напряжения, ТЕРА играла роль громоотвода. При ограниченных ресурсах она создавала молву о губернаторе как человеке дела, готового пойти навстречу «забытым и покинутым». Выборы губернатора Нью-Йорка в 1930 г. Рузвельт выиграл подавляющим большинством голосов, превысившим все ожидания.

Впрочем, в начале избирательной кампании 1932 г. все заметили, что в риторике губернатора Нью-Йорка появились новые интонации. И дело было вовсе не в том, что менялись, становясь более решительными, настроения его советников, членов так называемого «мозгового треста», куда вошли ученые, социаль-

ные работники и бизнесмены. Новому языку их обучали улицы промышленных городов, заполненные возмущенными людьми, бурлящие, готовые оцетиниться баррикадами, деревенские проселки, поднявшиеся на вооруженную борьбу с полицией и бандами хозяйских наемников шахтерские городки. По стране прокатилась волна общенациональных голодных походов безработных, везде выросла численность и активность их организаций. Как правило, их возглавляли откуда ни возьмись появившиеся левые и их попутчики. Вслед за пробуждением рабочего движения, опережая его, бурно начало развиваться фермерское движение. Вспыхивали фермерские забастовки, сопровождавшиеся бойкотом посреднических компаний, вооруженными выступлениями против властей. В конгрессе постоянно велись дебаты вокруг вопроса о неизбежной (в случае дальнейшего распространения безработицы, голода и массовой пауперизации) вспышке стихийных бунтов и перерастании их в нечто более серьезное и опасное для капитализма как системы. Во что все это могло вылиться? Цепную реакцию разрозненных мятежей или настоящую революцию? Настораживали события в Европе: исторический опыт свидетельствовал, что США не были отгорожены от нее непроходимым рвом, влияние подъема борьбы низов и верхов в европейских странах сказывалось все сильнее. Осенью 1931 г. Рузвельт специально попросил известного журналиста Ф. Аллена ознакомить его с положением в Германии. Ему хотелось ближе узнать, где и как возникают критические точки социального недовольства, к чему ведет эксперимент с низвержением большинства народа до уровня жалкого паупера, толкающий отчаявшихся людей на поиски панацеи отчаявшимися людьми. Европейские уроки были очень важны, коль скоро ближайšie друзья и советники находили, что даже Элеонора Рузвельт должна быть отнесена к «опасным идеалистам».

Внутренне Рузвельт, пожалуй, сознавал глубже и острее, чем кто-либо другой в руководстве Демократической партии, необходимость назревших перемен, но выработанная с годами привычка быть скрытным, не посвящать никого (даже самых близких людей) в свои планы, вера в эффект внезапности удерживали его от каких-либо определенных заявлений на этот счет. И тем не менее, взяв на вооружение осторожную тактику выжидания, ненавязчивого приобщения людей «к новому мышлению», он исподволь принялся убеждать Америку, что в его лице она имеет

политика-реалиста, не смутьяна и не бунтаря, а «реального политика», обладающего чувством нового и отдающего себе отчет в подлинных причинах случившихся потрясений. Мастерски проведенная Рузвельтом осенью 1930 г. кампания по переизбранию его на пост губернатора Нью-Йорка и одержанная им ошеломляющая победа убедили скептиков в руководстве Демократической партии, что этот обреченный, как многим казалось, на бездеятельность, физически немощный политик способен спасти ее саму от бесславного конца. Джим Фарли, новый лидер демократов в штате Нью-Йорк, через день после губернаторских выборов сказал журналистам: «Я не знаю, как м-р Рузвельт сможет избежать того, чтобы не стать кандидатом своей партии на президентских выборах 1932 г., даже если никто не пошевелит пальцем в его поддержку». Рузвельт ни слова не говорил Фарли о своих намерениях, но заявление, сделанное последним, было подсказано и тщательно отредактировано Л. Хоу, главным советником губернатора.

В вышедшей в 1931 г. при содействии того же Л. Хоу и супруги губернатора Э. Рузвельт книге известного журналиста Э. Линдли Рузвельт был причислен к разряду «прогрессивных политиков», однако эти лавры были отпущены губернатору Нью-Йорка явно в кредит. Мысли о переформулировании национальной идеи и об экономической реконструкции Рузвельт не торопился выносить на всеобщее «обозрение». Еще весной 1931 г. Рузвельт говорит о «новых и не испытанных еще средствах», о необходимости экспериментировать, доверить государственное управление «позитивному руководству» в силу изменений в «экономическом и социальном балансе» страны. И ничего конкретного. Но вот в июне 1931 г., высказав ряд нелестных замечаний по адресу экономической доктрины республиканизма, Рузвельт рекомендует законодательному собранию штата Нью-Йорк программу действий, включавшую ассигнования на прямую материальную помощь безработным и организацию системы общественных работ. Обращаясь к членам собрания, Рузвельт с особой значимостью зачитал следующее место своего послания: «Обязанности штата перед гражданами аналогичны обязанностям слуги перед его хозяином. Одной из обязанностей штата является заботиться о тех гражданах, которые стали жертвами неблагоприятных обстоятельств, лишивших их возможности обеспечить самое необходимое для жизни... Помощь этим гражданам должна

быть предоставлена правительством не в качестве благодеяния, а в качестве исполнения общественного долга...» На фоне упорного повторения Гувером тезиса о пагубности правительственного вмешательства в дело помощи неимущим с его упованиями на благотворительность эти заявления Рузвельта имели уже неортодоксальное звучание.

И только весной 1932 г., фактически вступив в избирательную кампанию за овладение Белым домом, Рузвельт окончательно придает своим речам форму оригинальной политической платформы, умудряясь при этом не сказать ничего конкретного о том, как добиться перелома в экономике. Основной упор был сделан на необходимость поставить в центре деятельности новой администрации общую идею приспособления к новым реальностям в экономике и политике. Предлагавшие Рузвельту «обоснованные» пилотные проекты перестройки экономики члены его «мозгового треста» с немалым удивлением затем узнавали, что большинство из них переплавлялось в некое довольно-таки безобидное блюдо и преподносилось общественному мнению в виде туманного призыва к активным действиям, направление которых должны были подсказать его величество «ход вещей» и политическая конъюнктура.

Хотя тон избирательной кампании Рузвельта зададо его знаменитое выступление по радио 7 апреля 1932 г. (речь о «забытом человеке»), принципиальный подход к решению трагических проблем Америки был изложен им в другой речи, произнесенной месяцем позже в Оглторпском университете (в мае 1932 г.). Со временем она стала подлинным евангелием рузвельтовских либералов и одновременно мишенью для их критиков. В ней Рузвельт сказал: «Страна нуждается, и, если я не ошибаюсь, страна требует смелого и настойчивого экспериментирования. Здравый смысл подсказывает обратиться к какому-нибудь методу и испытать его. Если он себя не оправдает, надо честно признать это и поискать другой метод. Но, прежде всего, нужно попытаться что-то сделать». Оба эти немногословные, но запоминающиеся выступления, наделавшие много шума и отражавшие появление новых ценностных ожиданий американцев, прояснили социальный и гуманистический аспекты идеи смелого социально-экономического экспериментирования, ставшего квинтэссенцией «эры реформ» Рузвельта.

Написанная профессором государства и права Колумбийского университета Р. Моли, тогда ведущей фигурой в «мозговом

тресте», речь о «забытом человеке» объясняла происхождение экономического коллапса низким уровнем потребления масс и переносила внимание на проблемы перераспределения доходов. Экономическая политика Гувера, игнорирующая нужды миллионов простых американцев и целиком ориентированная на оказание поддержки имущим классам («они помогут другим»), была подвергнута сокрушительной критике как проявление обанкротившегося социально-дарвинистского подхода. В речи проводилась параллель между сложившимся в стране катастрофическим положением и войной и выражалось убеждение в неизбежном расширении роли государства в ходе решения вставших перед нацией проблем. Страна нуждается, сказал Рузвельт, «в планах, напоминающих те, которые были реализованы в 1917 г. (намек на военную экономику США. — В. М.) и которые строились как бы снизу вверх, а не сверху вниз, т. е. в планах, повернутых в сторону интересов забытого человека, находящегося у основания экономической пирамиды». Далее следовало признание, опровергающее официальную версию о причинах экономического краха. Гувер говорил о внешнем источнике кризиса. Настоящее средство, способное вернуть экономике устойчивость, заявил Рузвельт, «должно уничтожать бактерии внутри системы, а не лечить внешние симптомы заболевания».

Речь о «забытом человеке», короткая и неформальная, вызвала самые разноречивые отклики: надежды в демократических низах и гнев верхов, усмотревших в ней чуть ли не желание посеять классовую рознь в стране, противопоставив неимущие слои имущим классам и возродив традиции популизма, а то и хуже того — анархосиндикализма. Сторонник Рузвельта сенатор К. Хэлл (штат Теннесси) с опаской говорил о повторении «еще одной кампании Брайана», а многолетний лидер демократов А. Смит, длительное время известный своей популярностью у городского избирателя, сделал заявление в форме протеста, объявив речь Рузвельта чем-то вроде подстрекательства, способного де вызвать раскол в обществе, а вслед за тем и другие страшные последствия. То, о чем умолчал Смит, было понятно каждому. Напряжение в стране возрастало с каждым днем, заставляя многих рассматривать предстоящие выборы как референдум о судьбах капитализма в США.

Реакция на речь 7 апреля показала Рузвельту, что для него самого наибольшей опасностью оставалась возможность вообще

выбыть из числа претендентов от Демократической партии на пост президента США. После нее никто не мог поручиться, что победу на съезде Демократической партии, который должен был собраться в июне 1932 г., может одержать поборник интересов простолюдина, человека с улицы, задавленного классом-эксплуататором и обманутого фортуной. Национальный комитет Демократической партии, контролируемый Раскобом и его людьми, побаивался Рузвельта, делая ставку на А. Смита (прогрессивно настроенный республиканец Гарольд Икес назвал его «восторженным младшим братом богатства») и на Джона Гарнера сенатора от штата Техас, который некогда пользовался репутацией популиста, но к началу 30-х годов рассматривался руководством партии в качестве «демократического Кулиджа». К счастью для Рузвельта, те, кто вершил делами в партии, понимали, что, если даже Смит и Гарнер смогут завоевать две трети голосов делегатов съезда демократов, они вместе или порознь провалят все дело, заняв место знаменосцев партии. Настроения в стране изменились круто и, судя по всему, очень надолго. В 1932 г. никто бы не стал голосовать за кандидатов, отстаивающих политику старого образца.

Без такого молчаливого консенсуса в отношении признания необходимости придать облику Демократической партии новые черты, символизирующие ее близость к массам, Рузвельт бы, наверное, не решился дать указание Моли подготовить записку о переориентации партии в свете приближающихся выборов и задач завоевания большинства избирателей на ее сторону после двенадцатилетнего пребывания в оппозиции. Моли выполнил задание с тщанием, на которое только был способен. В результате на столе у Рузвельта появился длинный меморандум, призывающий Демократическую партию к повороту в сторону прогрессивных реформ и к укреплению массовой базы за счет привлечения под знамена партии демократических слоев населения — рабочих, фермерства, интеллигенции, средних слоев. «В стране нет места для двух реакционных партий», — писал Моли, почувствовавший себя на баррикадах. Народ, утверждал он, не хочет делать выбор между двумя названиями одной и той же реакционной доктрины. Он жаждет реальной альтернативы. И ее должна предложить «партия либеральных убеждений, спланированных действий, просвещенного подхода к международным делам... демократических принципов». Моли утверждал, что новый

курс Демократической партии позволит вернуть ей динамизм и привлекательность. Он предложил сделать два найденных им слова — «новый курс» — эмблемой эпохи, поскольку-де они определяют содержание полосы качественных преобразований (от которых, кстати, сам Моли вскоре отречется), нужных стране, как воздух и энергия Солнца.

Просочившиеся сведения о домашних «заготовках» Рузвельта вызвали в недрах Демократической партии протестное движение, назвавшее себя «Остановить Рузвельта». Давние и непримиримые враги оказались в рядах этой пестрой коалиции — А. Смит, У. Макаду, Б. Барух, У. Херст. По самым благожелательным для Рузвельта оценкам, добиться победы над ней на съезде Демократической партии было делом сверхсложным. Так думали многие, но, похоже, это уже не могло вывести из равновесия самого Рузвельта. Изменив свою позицию по отношению к Лиге Наций и Международному суду (Рузвельт прежде слыл сторонником вхождения США в эти международные организации) и заявив о негативной оценке их деятельности и поссорившись из-за этого с Элеонорой, Рузвельт добился поддержки газетного магната Херста, идеолога шовинистического движения «Америка прежде всего». Многие «интернационалисты» среди демократов сочли это проявлением беспринципности. Однако сделка с Херстом принесла Рузвельту голоса делегации Калифорнии, которых так недоставало перед последним, четвертым туром голосования на съезде. Эта же сделка привела к полюбовному соглашению о снятии кандидатуры Гарнера, расставшегося со своей розовой мечтой стать президентом взамен должности вице-президента, которую он ни во что не ставил. Впрочем, это мало кого интересовало в окружении Рузвельта: «демократический Кулидж» в паре с Рузвельтом позволил добиться примирения с Раскобом, Барухом, Херстом и даже (временно) со Смитом, т. е. со всеми теми, кого тревожил или даже пугал «радикализм» губернатора Нью-Йорка.

Речь Рузвельта на съезде демократов в Чикаго 2 июля 1932 г., куда он прибыл, поломав многолетнюю традицию, на самолете, подтверждала факт буквально навязанного консервативному крылу партии компромисса. Она не была вполне самостоятельным сочинением Рузвельта, будучи скомпонованной из либерально-прогрессистских идей известного меморандума Р. Моли. Противопоставить им что-либо из арсенала вигизма в тот момент,

когда в Вашингтон со всех сторон стекались участники общенационального голодного похода безработных ветеранов Первой мировой войны и с каждым часом нарастало политическое напряжение, было просто нечего. Здесь у Рузвельта не было разногласий с Моли. Несколько важных пассажей речи были почти целиком заимствованы у ключевого члена «мозгового треста». Так, Рузвельт обрушился на идею «выхолощенного вигизма» о «просачивании», согласно которой, если богатству будет оказана поддержка, то в этом случае благополучие снизойдет и на «рабочих, фермеров и мелких предпринимателей». Вторя Моли, Рузвельт заявил, что народ Америки жаждет сделать настоящий выбор. «Мы, — сказал он, почти слово в слово повторяя меморандум, — должны быть партией либеральных принципов, спланированных действий, просвещенного подхода к международным делам и трудиться с максимальной пользой для подавляющего большинства нашего народа». Рузвельт вновь поднял тему о «забытых» американцах, которые требуют более справедливого распределения национального богатства. Именно к ним было обращено его обещание проводить политику обновления.

Все это укладывалось в идейно-политический контекст поворота влево, начатый речью о «забытом человеке». В остальном же выступление в Чикаго отличалось от меморандума Моли лишь своей неуловимой антидоктринерской, экспериментаторской интонацией. Рузвельт говорил о помощи тем, кто находился на вершине социальной пирамиды, имущим классам, и как будто изложенная им программа неотложных мер в целом не могла вызвать никакого беспокойства у американской буржуазии, воспитанной на идеях Локка. Здесь были: режим экономии в отношении правительственных расходов, отмена «сухого закона», новое законодательство, регулирующее рынок ценных бумаг, меры по охране лесов, регулирование сельскохозяйственного производства, снижение процентных ставок на ссудный капитал, снижение внешнеторговых тарифов и т. д. Финансовый и промышленный магнат Бернанд Барух, ранее не входивший в число сторонников Рузвельта, после победного для того последнего голосования одним из первых засвидетельствовал свое почтение новому и теперь уже единоличному лидеру Демократической партии. Но сделал это без помпы, подчеркнуто незаметно.

Рузвельт пожинал плоды искусного маневра. Вся партия демократов, за исключением крайне правой группировки, встала

под знамена «нового курса». Более того, в стане ее противников оказалось больше симпатизировавших Рузвельту, чем вчерашнему кумиру республиканцев Г. Гуверу. В штатах появились лозунги, призывающие сторонников республиканцев голосовать за их кандидатов в конгресс, а вместе с ними за Рузвельта на пост президента США. Сенатор-демократ от Луизианы Хью Лонг в присущей ему грубоватой манере заявил репортерам, что «самая большая беда демократов в том, что они контролируют все голоса, но сидят без денег». И тут же предложил: «Мы можем продать президенту Гуверу миллион голосов за полцены, которую он собирается заплатить, чтобы заполучить их. Мы можем обойтись и без этих голосов, а вот деньгам найдем применение». Деньги тоже вскоре нашлись: самые большие взносы в избирательный фонд Рузвельта сделали виднейшие представители финансово-промышленного капитала: Б. Барух, У. Вудин, В. Астор, Дж. Раскоб, У. Херст, П. Дюпон, Дж. Кеннеди, Дж. Хёрли и др. Охотно принимая эти «знаки внимания», Рузвельт стремился придать своим речам дополнительную эластичность, часто порождая недоумение и тревогу той части его сторонников, которые видели, что в сложившейся обстановке никому не удастся ограничиться разговорами, что нужны практические шаги с целью немедленного улучшения бедственного положения масс в качестве первого условия устранения опасности социального взрыва.

Однако Рузвельт после съезда в Чикаго не изменил тактический рисунок своей политической линии. Его выступления привычно носили общий, расплывчатый характер; порой даже складывалось впечатление, что они как бы уравнивали друг друга. В Коламбусе (штат Огайо) кандидат демократов атаковал Гувера за чрезмерные, по его мнению, действия в области регулирования экономики и призывал создать условия для конкурентной борьбы. Напротив, в речи в Сан-Франциско Рузвельт подтвердил свои убеждения в назревшей потребности правительственного регулирования той же самой экономики. Однажды он удивил Моли, попросив его из двух вариантов речи по тарифу (в одном отстаивалась идея протекционизма, в другом содержалась похвала свободной торговле) сделать один, синтетический. В речи в Питтсбурге (штат Пенсильвания) он ратовал за всемерное сокращение правительственных расходов, сбалансированный бюджет и децентрализацию государственного управления. А в другой речи, произнесенной в Портленде (штат

Орегон), Рузвельт пообещал сделать все возможное, чтобы поднять благосостояние народа и защитить его от алчной верхушки общества. Последнее предполагало решительное вмешательство государства во все сферы экономической жизни, расширение его социальной функции и серьезные ограничения хозяйствования олигархов. В итоге никто не знал, чего можно ждать от кандидата демократов, хотя все связывали с его именем грядущие перемены.

В июле 1932 г. Рузвельт получил письмо от губернатора Северной Каролины Макса Гарднера, совсем не радикала, предупреждавшего его об опасном провале в случае неверного истолкования им настроений масс, недооценки их стихийно бунтарского духа. «Американский народ, — писал Гарднер, — против существующего порядка вещей. Мы больше, чем слепцы, если думаем, что американский народ станет цепляться за status quo... Если бы я был Рузвельтом (т. е. кандидатом в президенты. — *В. М.*), я бы занял более либеральные позиции (губернатор опасался произнести слово “радикальные”. — *В. М.*). Я бы шел вместе с толпой, ибо массы сейчас находятся в движении, и если мы хотим спасти нацию, то мы должны дать либеральную трактовку тем ожиданиям, которые переполняют сердца людей...» В письме сквозила тревога по поводу «гуттаперчивой» позиции Рузвельта.

У. Липпман — крупнейший политический аналитик-публицист, отозвался о поведении Рузвельта после съезда Демократической партии еще более скептически, чем он это делал прежде в своей переписке с теми, кого он относил к убежденным прогрессистам. «Две вещи в отношении Рузвельта, — писал он Феликсу Франкфуртеру, известному юристу, близко стоявшему к Рузвельту, 14 сентября 1932 г., — беспокоят меня, а именно: то, что он любит политическую игру саму по себе и прекрасно чувствует себя в ней. Стремление продемонстрировать свое виртуозное искусство толкает его на путь ультраполитиканства. Еще одно мое опасение связано с тем, что он так дружелюбен и впечатлителен, так хочет всем угодить и, как я думаю, так нетверд в собственных убеждениях, что почти все зависит от характера его советников. Меня в этом полностью убедили последние недели, и особенно вся эта история с заигрыванием с группой Херста — Макаду. Есть, разумеется, вещи, которые заставляют сочувствовать ему, — это стремление к переменам и его общее убеждение в необходимости переоценки ценностей. Но я очень медленно прихожу в себя от потрясения, которое произвела

на меня его политическая кампания, предшествовавшая съезду демократов». Липпман был удручен, как ему казалось, вялостью и невыразительностью кампании Рузвельта.

Даже в семейном кругу Рузвельт наталкивается если не на оппозицию, то на несогласие с его тактикой. Элеонора Рузвельт, супруга президента и энергичная поборница «фундаментальных» социальных реформ, высказывала опасения (совсем не лишние основания), что уклонение Рузвельта от четких обязательств в отношении требований масс приведет к росту их разочарования в политическом либерализме и к открытому переходу на позиции поддержки левых сил. Когда много позднее один из ее ближайших друзей признался, что в ноябре 1932 г. он голосовал не за Рузвельта, а за кандидата Социалистической партии Нормана Томаса, Элеонора Рузвельт не удивилась. «Я бы сделала то же самое, — сказала она, — если бы не была женой Франклина». Американский историк Роберт Макэлвейн высказывает на первый взгляд парадоксальную, но в основе своей верную мысль, когда пишет, что Гувер своими обвинениями Рузвельта в тайной приверженности к радикальным переменам привлек на сторону последнего больше избирателей, чем это сделал сам кандидат Демократической партии. И в самом деле, пропагандистская антирузвельтовская кампания правых сил, рисовавших его радикалом, объективно делала кандидатуру Рузвельта предпочтительней его соперника для сотен тысяч избирателей, сочувствующих левым силам. Окажись на его месте А. Смит или Дж. Гарнер, эти американцы отдали бы свои голоса левым. «Настроение в стране такое, — признал после подсчета голосов один из членов администрации Гувера, — что мы, пожалуй, еще удачно вышли из этого положения, получив Рузвельта вместо социалиста или радикала».

Выборы же 8 ноября 1932 г. подтвердили высказанную Л. Харцем мысль, что радикализм «нового курса» был не чем иным, как суррогатом социалистического проекта развития для США, тщательно замаскированного американской верой в постулаты Локка. Миллионы рабочих, творческой интеллигенции, фермеров, представителей городских средних слоев, молодежи и афроамериканцев дружно голосовали за партию «нового курса». Своей поддержкой, энергией и душевным порывом они подтвердили тот его внутренний подтекст, который еще был неясен для самого Рузвельта и о котором говорил

Харц. Стихийно стала складываться новая демократическая, близкая по духу европейской социал-демократии коалиция левоцентристских сил. Растущее рабочее движение не играло в этой коалиции самостоятельной роли, хотя и превратилось в ее главную опору. Заметим к тому же, что идеологически само рабочее движение оставалось расколотым, а в организационном отношении не структурированным. Не здесь ли кроется причина, почему впечатляющая победа демократов, избрание Рузвельта президентом, поражение всех консервативных кандидатов, баллотировавшихся на вакантные места сенаторов и членов палаты представителей, не сдвинули с места разработку ясной и четкой программы преобразований, которых так ждал народ? Напротив, начался период политического затишья, бесцветных дебатов и препирательств. Складывалось впечатление, что полученный демократами мандат был им в тягость, что все ждали скорейшего выхода из кризиса.

Некоторые исследователи высказывают мысль, что и Рузвельту даже после больших и малых побед были свойственны моменты меланхолии, сомнений и даже страха. Но мир этого не видел, а 15 февраля 1933 г. он предъявил ошеломленной стране пример хладнокровия и полного самоконтроля. После более чем десятидневного рекреационного путешествия на яхте «Нурмахал» вблизи побережья Флориды Рузвельт в самом благодушном настроении высадился в Майями, а затем откликнулся на просьбу кучки местных жителей Бей Фронт Парка сказать несколько слов. Вблизи оказался и мэр Чикаго Антон Чермак, приблизившийся для короткого разговора с вновь избранным президентом США к борту его открытого автомобиля. Мэр не успел сказать ровно ничего, как в группе окружающих автомобиль Рузвельта людей появилась вытянутая рука с пистолетом, выстрелом из которого Чермак был смертельно ранен. Рузвельт остался невредим только благодаря реакции стоявшего поблизости полицейского, выбившего из рук стрелявшего бездомного безработного парня пистолет. Рузвельт приказал агентам секретной службы не угонять автомобиль, погрузить истекающего кровью Чермака рядом с собой на заднее сиденье и, попросив его не двигаться, отвез в госпиталь. Оказавшись в двух сантиметрах от пули убийцы, Рузвельт не потерял ни грана самообладания, более того, он безмерно удивил своих ближайших помощников, открыто говоривших с ним через пару дней о необходимости принятия срочных мер по предотвраще-

нию революции. Выражение лица вновь избранного президента отражало одно — невозмутимость.

Однако события ранней весны 1933 г. заставили новую администрацию действовать более решительно. Накануне вступления Рузвельта в должность президента в Вашингтоне были получены известия о том, что во многих штатах, объявив о банкротстве, закрылись все банки. В дополнение к едва теплившейся деловой жизни это грозило в самое ближайшее время полным экономическим параличом. Страх перед будущим охватил людей. Огромные толпы осаждали еще оставшиеся на плаву банковские учреждения, требуя возврата своих вкладов. Закрывались предприятия, школы и муниципалитеты, росли огромные очереди за куском хлеба и чашкой кофе, пустыри покрывались «бидонвиллями», поселениями бездомных, росло число самоубийств.

Газета «Нью-Йорк таймс», вышедшая утром 4 марта, в день инаугурации (церемонии вступления в должность президента) Рузвельта, писала в передовой: «О нем будут думать как о чудотворце». Да и сам новый президент хорошо понимал, что время выжидания прошло и только действия, немедленные, энергичные и непреклонные, могут предотвратить перерастание панических настроений в направленный (кем?) социальный взрыв, способный изменить старый порядок вещей снизу доверху. Американский капитализм оказался на краю пропасти. «Многие высокопоставленные лица в Вашингтоне и других городах, — отмечал в своих воспоминаниях бывший корреспондент “Нью-Йорк таймс” в Вашингтоне Чарльз Хёрд, — искренне благодарили Господа за то, что день вступления нового президента в должность припал на субботу, когда банки, биржи и другие финансовые учреждения были официально закрыты. Никто не знал, какое пламя могло бы заняться от искр, высекаемых сменой правительства. Некоторые или, лучше сказать, многие боялись бунтов и мятежей в городах, которые могли вспыхнуть в задавленных бедностью кварталах или в хибарочных поселениях безработных. Хотя воинские части были введены в Вашингтон для помпы, штабу генерала Макартура было поручено быть готовым использовать эти силы и для выполнения более серьезной задачи...»

Ненастье последних дней перед инаугурацией как бы подчеркивало давящую тяжесть обстановки. Было заметно, что даже обычно уверенный в себе вновь избранный президент несколько подавлен. Стоя утром 4 марта на ступенях Капитолия, он принял

присягу, все время сохраняя необычное для него напряженное выражение лица. Лишь после того как он произнес первые фразы заготовленной для этого случая речи, напряжение спало, снова появились присущие всегда Рузвельту раскованность и свобода. Слова врезались в сознание стоящих у подножия Капитолия или прильнувших к радиоприемникам американцев как призыв не поддаваться панике и сохранять надежду, не впадать в отчаяние, ждать перемен. «Итак, прежде всего, — говорил президент, — позвольте выразить мое твердое убеждение, что единственно, чего нам следует бояться, — это самого страха, безликого, неосознанного, неоправданного ужаса, который способен парализовать усилия, так необходимые, чтобы превратить отступление в наступление».

Рузвельт, еще не зная, располагает ли он временем для перегруппировки сил, говорил о скором контрнаступлении. Это должно было вселять оптимизм, убить вирус неверия в страну, правительство, «Американский путь». Обрушившись на некомпетентность банкиров, этих «неразборчивых в средствах ростовщиков», поставивших на место благородных христианских ценностей власть чистогана, Рузвельт объявил себя сторонником действий в интересах простых людей. «Изгнать меня из храма» — повторила за ним вся страна. Из всех обуревавших народ смятенных чувств он выделил только одно — обретенное сознание взаимообусловленности индивидуума и общества и взаимозависимость людей друг от друга, сознание того, «что мы не можем просто брать, мы должны также и отдавать». Радио разносило по всей стране слова президента: «Нация требует безотлагательных действий... Мы должны действовать незамедлительно». Созданное положение Рузвельт отождествил с состоянием войны, потребовав от «народа и конгресса» чрезвычайных полномочий, аналогичных тем, какими пользуется президент в военное время. Переход президента от состояния замедленного реагирования на внешние раздражители к удвоенным скоростям в решении мало-мальски значимых серьезных проблем было удивительным и непривычным.

Во второй половине дня 4 марта 1933 г. в Овальном кабинете Белого дома состоялось первое рабочее заседание новой администрации. Президент обещал нации вернуть уверенность в будущем страны. Первыми эту уверенность обрели те, кто обитал на вершине социальной пирамиды: кабинет больше

чем наполовину состоял из хорошо известных деятелей весьма умеренного толка. Присягу принесли: один из столпов консервативного крыла демократов в конгрессе, сенатор от штата Теннесси К. Хэлл (государственный секретарь); миллионер У. Вудин (министр финансов); независимый республиканец Г. Икес (министр внутренних дел); либерал Г. Уоллес (министр сельского хозяйства), влиятельный политик из «фермерского пояса»; снискавшая себе известность на поприще осуществления социальных программ в Нью-Йорке Ф. Перкинс (министр труда); Х. Каммингс (министр юстиции); Д. Роупер (министр торговли), занимавший административные посты еще в правительстве В. Вильсона; Дж. Фарли (министр почт); К. Свэнсон (министр военно-морского флота), вирджинский политик, пользовавшийся поддержкой рузвельтовской партии в сенате, и Дж. Дерн (военный министр). Никто из видных представителей профсоюзов или фермерских организаций в кабинет Рузвельта не вошел, но впервые за всю историю американского государства в нем появилась женщина-министр.

Реформы «ста дней»

Первоочередной проблемой, которой вынужден был заняться новый кабинет, был банковский кризис. Все ждали решительных мер. Впоследствии радикально настроенный сенатор Бронсон Каттинг писал: «Я с болью в сердце вспоминаю события 4 марта 1933 г. Тогда национализация банков Рузвельтом не встретила бы ни одного протестующего голоса. Это была крупная ошибка президента». За несколько часов до открытия специальной сессии конгресса Белый дом посетили два влиятельных лидера прогрессистов — сенаторы Р. Лафоллет и Р. Костиган, намеревавшиеся побудить президента передать банки в общественную собственность. Рузвельт отклонил это предложение. Вместо этого 5 марта декретом президента было объявлено о четырехдневном принудительном закрытии всех банков, «банковских каникулах». Одновременно правительство наложило запрет на вывоз золота, серебра и бумажных денег из США.

9 марта, в первый же день работы специальной сессии, на обсуждение конгресса был поставлен проект закона о банках. Некоторые вновь избранные сенаторы еще разыскивали свои места, когда чтение законопроекта правительства уже закончилось.

Обсуждение заняло всего 40 минут. Через 8 часов после зачитания билля в конгрессе он был подписан президентом и стал законом. Разработанный банкирами и чиновниками министерства финансов, назначенными еще Гувером, он по большому счету не ущемлял интересов финансовых магнатов. «Президент изгнал менял из столицы 4 марта, а 9 марта они вернулись назад», — пожаловался один из прогрессивно настроенных конгрессменов. Ему вторил редактор журнала «Нейшн». Не скрывая негодования, он писал в частном послании 9 марта: «Информация, которую мы получили из Вашингтона, вызывает ужасное недоумение. Рузвельт в своей первой речи при вступлении в должность президента изгнал менял из храма, а теперь они вновь возвратились в Белый дом и объясняют ему, что он должен делать... Конечно, как это всем известно, банкиры сейчас приутихли, потому что получили страшный удар и не видят возможности в ближайшее время серьезно увеличить свои доходы. Но как только этот шквал уляжется (а это случится), они вернутся к своей старой практике, спасенные — кем? — средствами, полученными у народа и переданными им в рамках мероприятий по правительственному регулированию бизнеса». Как бы то ни было, чудесным образом Рузвельт добился своего. Через несколько дней стабильность банковской системы была восстановлена. «Капитализм, — сказал позднее Р. Моли, — был спасен...» У многих нахмурились брови. Но вслед за тем последовали совершенно неординарные шаги, заставившие понять, что в Белый дом вселился человек, прямо противоположный тому, кто пытался апеллировать к вере американцев в спасительные свойства личной предприимчивости и инициативу.

21 марта президент направил конгрессу послание, предусматривавшее ряд мер помощи безработным: организацию специальных трудовых лагерей для безработной молодежи, широкое развитие общественных работ по всей стране и, наконец, финансовую помощь штатам для оказания прямой материальной поддержки голодающим семьям безработных. 31 марта конгресс принял Закон о создании лагерей для безработной молодежи (СЖК) с целью привлечения к трудовой деятельности под общим наблюдением армейского командования 250 тыс. молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. А 12 мая Рузвельт подписал новый закон, согласно которому создавалась Федеральная чрезвычайная администрация помощи (ФЕРА), получившая в свое распоряжение

от казны 500 млн долл. Половина этой суммы предназначалась штатам в виде дотации на организацию помощи безработным. ФЕРА возглавил Гарри Гопкинс, завоевавший в короткий срок огромный авторитет в стране благодаря своей неутомимой энергии и неподкупности.

Весной вновь стали поступать тревожные сигналы из фермерских округов. 9 мая в Белом доме раздался телефонный звонок из Миннесоты: губернатор штата заявил, что фермеры устали ждать, что они доведены до предела распродажами с молотка их собственности за неуплату долгов и готовы на самые крайние меры. Рузвельт немедленно дал указание подготовить правительственное распоряжение о моратории на фермерскую задолженность. 12 мая конгресс согласился вотировать аграрную программу правительства: были приняты Закон о рефинансировании фермерской задолженности и Закон о восстановлении сельского хозяйства (AAA). Такая отзывчивость и оперативность правительства и конгрессменов легко объяснимы: на 13 мая была назначена национальная фермерская забастовка. Во что она могла вылиться — никто не знал.

AAA явился крупной вехой в деятельности правительства «нового курса». Главная идея закона заключалась в попытке ликвидировать «ножницы» между ценой, затрачиваемой фермером на производство товарной продукции, и той, которую он получал после ее реализации. Чтобы сбалансировать предложение сельскохозяйственных товаров с рыночным спросом, программа AAA предусматривала в качестве главной меры изъятие из сельскохозяйственного производства части земли путем предоставления фермерам различного рода субсидий за отказ от ее обработки. AAA установил одинаковый процент сокращения посевных площадей для всех хозяйств, что, в свою очередь, возымело неодинаковые последствия для крупных и мелких хозяйств. Крупные землевладельцы и зажиточные фермеры часто совершенно безболезненно для себя шли на изъятие из производства неплодородных, а то и вовсе не обрабатываемых земель, получая значительные премии и займы от государства и обращая их на цели интенсификации производства, за счет чего еще больше увеличивали валовые сборы и доходы. Мелкому же и части среднего фермерства сокращение посевов, несмотря на предусмотренную компенсацию, не сулило особых выгод.

Эти аспекты аграрной программы правительства предопределили неодинаковое к ней отношение фермерских масс. Американский историк Д. К. Файт, проведя тщательное исследование, пришел к выводу, что фермерство в своей массе согласилось с мерами контроля за размерами производства, но восприняло их как «нелюбимое дитя». «Совершенно очевидно, — писал он, — что люди, планировавшие в Вашингтоне аграрную политику, приняли принципиальные решения вне зависимости от мнения фермерских масс, к которому политики отнеслись уважительно скорее в теории, чем на практике». Зажиточное фермерство, крупные сельскохозяйственные компании получили определенные выгоды от правительственной регламентации (они весьма энергично поддерживали ААА), процесс же разорения мелких фермеров хотя и не проходил в столь же мучительных формах, но тем не менее, по существу, не был остановлен. Трудно сказать, какой результат принесло бы правительственное «регулирование» в деле стабилизации цен, если бы не опустошительная засуха, постигшая многие сельскохозяйственные районы США в 1933–1935 гг. и ликвидировавшая естественным путем часть излишков сельскохозяйственной продукции. «Садовод» из Гайд-Парка начал возрождение аграрного класса с изъятия и ликвидации части плодов его труда.

Правительственная деятельность протекала в ритме стаккато. Выявление новых потребностей или нарастание кризисных явлений в какой-либо части общественного организма вызывало спазм активности администрации, которой в спешке далеко не всегда удавалось найти удовлетворяющее ее само решение. Однако своей бурной деятельностью, отзывчивостью на идущие снизу сигналы, хорошо налаженной обратной связью правительство вносило элемент успокоения и надежды, чем достигало весьма существенного результата — психологического перелома, который прямо «работал» на авторитет «нового курса» и прежде всего самого Рузвельта.

Важной реформой, осуществленной правительством по инициативе сенатора Норриса и сразу же завоевавшей признание прогрессивной общественности, явилось создание 18 мая 1933 г. Государственной администрации гидроресурсов долины реки Теннесси для строительства плотин, обуздания паводков, эксплуатации гидроэнергетических сооружений, осуществления мелиоративных работ, производства удобрений и пр. В условиях

США это был весьма смелый экономический и политический эксперимент, ибо деятельность нового учреждения базировалась не на частном интересе, а на создаваемой общественной собственности. Невиданная для Америки ломка канонов национального мышления! Невзирая на заявления консерваторов о «социалистическом характере» предлагаемой реформы и «подражании Советам», Рузвельт добился ее одобрения. Еще в 20-х годах группа либеральных законодателей во главе с сенатором Ф. Норрисом добивалась сохранения в руках государства двух заводов военных материалов в Масл-Шоулс (штат Алабама), построенных в годы войны. Но президенты Кулидж и Гувер отклонили все проекты Норриса, мотивируя это тем, что государственная собственность несовместима с принципом частного предпринимательства. Характерно, что победа сторонников реформы Норриса расценивалась в то время представителями радикально-демократической мысли как едва ли не самое крупное достижение «нового курса» в борьбе с монополиями.

6 июня был принят Закон о создании федеральной службы занятости. 13 июня конгресс одобрил Закон о рефинансировании задолженности по жилищному кредиту. 16 июня был обнародован Закон о кредитовании фермерских хозяйств (ФКА), принесший немалое облегчение фермерству, задавленному бременем задолженности. Но подлинной вехой в политической истории США этот день стал благодаря другому событию.

Американский историк Э. Хоули пишет: «Для группы конгрессменов, окруживших письменный стол президента утром 16 июня 1933 г., момент был поистине уникальный. Только что несколькими росчерками пера Франклин Рузвельт подписал Закон о восстановлении промышленности (НИРА), который, по оценке самого президента, представлял собой «самое важное и далеко идущее законодательство, когда-либо получавшее одобрение американского конгресса». Содержание закона еще не стало по-настоящему известно широкой публике, а он уже был назван тем рычагом, который способен в самый короткий срок не просто привести в движение весь экономический механизм, а спасти его от разрушения и гибели. Реформистски настроенная часть крупного бизнеса встретила его с ликованием. Джон Рокфеллер-младший характеризовал НИРА как «многообещающее и великое усилие на пути восстановления». Генри Гарриман, президент Торговой палаты США, назвал его сводом правил

о «конструктивном сотрудничестве», руководствуясь которым благоразумные лидеры делового мира покончат в своей среде с «промышленными пиратами», «эксплуататорами рабочих» и «беспринципными ценопонижателями».

Можно ли отсюда заключить, что НИРА представлял собой обоснованную и всесторонне продуманную систему мероприятий, венчавшую длительные усилия американской экономической мысли в поисках оптимального режима капиталистического воспроизводства? Отнюдь нет. Тот же Хоули убедительно показывает, что НИРА был в известном смысле экспромтом, импровизацией, «продуктом скорого обдумывания».

В самом деле, еще в марте 1933 г. у правительства «нового курса» не было конкретных планов экономической реформы промышленности. Сам Рузвельт объяснял это тем, что мнения, рождавшиеся в ходе дискуссии об экономическом планировании и реорганизации, еще не «выкристаллизовались», что и оправдывало, по его мнению, пассивность администрации в этом вопросе. Что же тогда вынудило правительство в необычайной спешке в апреле 1933 г. подготовить проект закона о контролируемой экономике и модернизации трудовых отношений?

Толчок событиям был дан 6 апреля 1933 г. В этот день сенат, уступив давлению со стороны организованного рабочего движения, неожиданно для правительства большинством голосов одобрил законопроект сенатора Блэка о 30-часовой рабочей неделе на крупных промышленных предприятиях. Его авторы и сторонники таким способом рассчитывали уменьшить массовую безработицу, полагая, что это откроет вакансии для почти 6 млн работников. Устами своего президента У. Грина АФТ поддержала законопроект, рассматривая его как выход из положения и угрожая прибегнуть к всеобщей стачке в его поддержку.

Для большинства же промышленников подобная уступка была равносильна полной и безоговорочной капитуляции перед принципом самой строгой принудительной правительственной регламентации условий найма. На очень многих из них удручающе подействовала жесткость обычно угодливого У. Грина. В ней слышалось больше, чем желание просто припугнуть. Однако правительство, убедившись в резко отрицательном отношении крупного капитала к биллю, решило «потопить» его в поспешно подготовленном и вынесенном Рузвельтом в конгресс 17 мая 1933 г. Законе о восстановлении промышленности. НИРА, соста-

вленному, как писал Хоули, так же как и закон о банковской реформе, «пророками делового мира» принадлежало центральное место в системе реформ «нового курса». Целями политики регулирования промышленности объявлялись обеспечение «всеобщего благосостояния» путем кооперации между отдельными группами предпринимателей при одновременном достижении при содействии правительства сотрудничества между рабочими и работодателями, устранении «разрушительной конкуренции», ведущей к снижению прибылей, подрыву деловой устойчивости, сокращению инвестиций и занятости.

Упорядочения отношений между предпринимателями и группами предпринимателей было решено добиться путем принудительного картелирования промышленности. Для увеличения занятости, повышения покупательной способности и стабилизации товарного рынка различные отрасли промышленности должны были самоограничить себя «кодексами честной конкуренции». Предполагалось, что в каждой отрасли под наблюдением правительства административными мерами через согласование можно будет остановить пагубный процесс взаимоуничтожения и «ужасного перепроизводства», как выразился Рузвельт, и, следовательно, восстановить силы, выработав строго определенные нормы производства и сбыта, а также определив уровень товарных цен и условия коммерческого кредита.

Важнейшее, прямо-таки историческое значение имело включение в «плоть» закона знаменитого пункта 7 (а), устанавливающего федеральное (общегосударственное) регулирование максимальной продолжительности рабочего дня и минимального уровня заработной платы в различных отраслях промышленности. Еще большим разрывом с прошлым (а для многих неожиданным) звучало положение, закрепляющее право промышленных рабочих организовываться в профсоюзы и заключать коллективные трудовые соглашения с работодателями посредством представителей, «избранных самими рабочими». Традиционный для правительства США отказ гарантировать рабочим право на коллективную защиту от произвола предпринимателей канул в Лету.

Группам промышленников вменялось в обязанность жить по европейским правилам, содействуя, таким образом, созданию условий для ограждения индустриального общества США от одичания. Все оказывалось в руках президента. Подписанные им кодексы становились законом для предпринимателей,

а общий контроль за реализацией программы НИРА возлагался на созданную Национальную администрацию восстановления (НАВ) во главе с одним из членов «мозгового треста» генералом Хью Джонсоном. Влиятельный сенатор Роберт Вагнер, автор многих законопроектов о труде, был назначен председателем Национального бюро по трудовым отношениям (НБТ), на которое была возложена миссия содействовать урегулированию трудовых конфликтов в промышленности. Упования на скорый выход промышленного производства из комы. Срок действия НИРА определялся в два года, до 16 июня 1935 г. До этого времени все мероприятия, связанные с осуществлением программы, исключались из сферы действия антитрестовского законодательства.

Не дожидаясь результатов длительной процедуры выработки кодексов для каждой отрасли промышленности, правительство предложило свой типовой образец (так называемый *blanket code*), который мог быть применен к любой отрасли в качестве временной основы восстановления деловой активности. Примерный кодекс устанавливал для служащих максимум продолжительности рабочего времени в 44 часа в неделю, минимум недельной заработной платы — от 12 до 15 долл.; для промышленных рабочих были приняты иные показатели — 35 часов в неделю и от 30 до 40 центов в час. Все отрасли промышленности довольно быстро разработали кодексы, длительность действия которых была различной. В середине 1934 г., согласно докладу НАВ, насчитывалось около 500 действующих кодексов, охватывающих 95% лиц наемного труда.

В ходе первых же совещаний групп промышленников и профсоюзов, занимавшихся выработкой кодексов для различных отраслей промышленности, выявились явно неравноправные условия, в которых оказались рабочие и отраслевые ассоциации предпринимателей. Повсюду ответственность за подготовку проектов временных соглашений была возложена всецело на предпринимательские ассоциации, а участие профсоюзов в их выработке сводилось к критике и внесению поправок. Неорганизованные рабочие, а их было абсолютное большинство, лишались права голоса. Разработанные представителями корпораций кодексы для основных отраслей промышленности, как правило, фиксировали максимум продолжительности рабочей недели выше, а минимум заработной платы ниже по сравнению с официально установленным уровнем. К тому же действие

кодексов было неодинаковым по отношению к разным категориям трудящихся. Там, где предприниматели шли на уступки одной категории рабочих, они стремились компенсировать это за счет другой. Рабочее движение к этим недостаткам в правоприменении НИРА отнеслось снисходительно, получив компенсацию в виде законодательства о помощи безработным.

Принятый 12 мая 1933 г. Чрезвычайный закон о помощи (ФЕРА) предназначен был закрыть одну из самых опасных пробоин в тонущем корабле. Полмиллиарда долларов были ассигнованы штатам для ликвидации угрозы голода и массовой пауперизации безработных и членов их семей. Из них 250 млн передавались в особый фонд, находившийся под контролем Администрации чрезвычайной помощи. Сразу же встал вопрос: кто ее возглавит? Честолюбивые планы уже завоевавшего известность Гопкинса, из которых он не делал тайны, едва не были нарушены, когда новый губернатор Нью-Йорка Герберт Леман, сменивший Рузвельта на этом посту, резко возразил против его перевода из Олбани в Вашингтон. Гопкинс ответил военной хитростью. Он телеграфировал Леману 19 мая 1933 г.: «Президент говорит, что связался с Вами по телефону и утром в понедельник ждет меня с докладом». В сильнейшем раздражении Леман сделал выговор Рузвельту, отправив на его имя телеграмму следующего содержания: «Чтобы сделать выбор, в Вашем распоряжении есть вся страна». Пока старые приятели — президент и губернатор — ссорились, Гопкинс мог чувствовать себя в безопасности. Ветеран Демократической партии Джозеф Дэвис так говорил об этом аскетического вида человеке, вскоре ставшем правой рукой президента в деле осуществления беспрецедентных по своим масштабам социальных программ: «Он обладал чистотой святого Франциска Ассизского, сочетавшейся с хитростью маклера на скачках».

22 мая 1933 г. Гопкинс был приведен в Белом доме к присяге в качестве главного администратора федеральной программы помощи. Пospешив расстаться с торжественностью и выйдя за стрельчатую ограду резиденции президента США, Гопкинс поймал такси и подкатил к старому, полузаброшенному зданию «Уокер-Джонсон билдинг» на Нью-Йорк авеню, которому суждено было стать штаб-квартирой самого расточительного за всю историю США федерального учреждения. Гопкинс тотчас же принялся за дело. «Он сел за письменный стол, — писал Р. Шервуд, — и начал писать телеграммы, не дожидаясь даже,

когда придут люди, чтобы передвинуть стол из коридора в его кабинет». Как величайшую сенсацию пресса преподнесла публике сообщение о том, что в считанные часы, пока прислуга приводила в порядок помещение, Гопкинс ухитрился истратить 5 млн долл., передав их штатам для оказания помощи безработным. Кто-то немедленно получил возможность купить еду для детей, кто-то оплатить аренду жилого помещения...

Ничем не примечательное на вид, «Уокер-Джонсон билдинг» как нельзя лучше соответствовало своему назначению. Правительство «нового курса» всячески афишировало свою близость и солидарность с «униженными и оскорбленными», с «забытым человеком», и администрация ФЭРА в этом смысле призвана была играть ключевую роль. Строго придерживаясь этой установки, Гопкинс (с согласия Рузвельта) и остановил свой выбор на старом здании на Нью-Йорк авеню. По их убеждению, во всем внешнем облике штаб-квартиры ФЭРА ничто не должно было напоминать ледяную помпезность и неприступность опустылевших низам бюрократических учреждений, которыми так славились правительственные кварталы Вашингтона. Замысел удался. Либеральная пресса с восторгом писала о воскресении из мертвых быстро ставшего знаменитым на всю страну «Уокер-Джонсон билдинг» и непривычном стиле работы его новых хозяев. Свершилось! Миллионы отверженных теперь имеют своих бескорыстных защитников в новом правительстве. Хотя Гопкинс не являлся членом кабинета, вскоре в нем привыкли видеть главного советника президента, надежную его опору. ФЭРА придал всему «новому курсу» мессианские черты одним своим знаменитым девизом «накормить голодных, и притом чертовски быстро».

Найти людей, к чьим рукам не прилипали бы деньги, отпущенные на помощь голодающим семьям безработных, и к тому же людей, умеющих действовать по принципу «на войне как на войне», было делом исключительно сложным. ФЭРА не превратился в питомник идеалистов и бессребреников. Но наряду с «людьми Фарли», т. е. ставленниками партийной машины демократов, на службу в ФЭРА пришла большая группа молодежи, политические взгляды которой были порой значительно левее и последовательнее, чем даже убеждения главного администратора, что не мешало ей, впрочем, как отмечал журнал «Нью рипаблик», «с комическим усердием копировать его манеры и образ действий».

Особую ярость реакционеров вызывала фигура Обри Вильямса, ближайшего сотрудника Гопкинса. Лидер консервативных республиканцев Гамильтон Фиш называл его «одним из самых больших радикалов в стране... одним из самых розовых в составе розовой администрации “нового курса”». Но на первых порах Гопкинс с санкции Рузвельта решил всем этим пренебречь.

«Гарри взял Вашингтон штурмом, — писал обозреватель в 1934 г. — Многие политики стали объектом для его нападков. Те, кто принадлежал к тори, мечтали снять с него скальп». Чувствуя за собой поддержку президента и потому пренебрегая недовольством со стороны боссов Демократической партии, Гопкинс твердо держит курс на обретение все большей самостоятельности в своих действиях в качестве руководителя ФERA. Это отвечало его личным амбициозным замыслам и тайному плану Рузвельта «стреножить», подчинить своему влиянию партийную машину демократов в штатах. С этой целью Гопкинс пустил в ход свое собственное изобретение — сеть особых федеральных чиновников и политических осведомителей, призванных не только самолично определять нужды на местах и руководить организацией помощи, но и служить главным источником информации о состоянии умов, о настроениях в низах. Гопкинс называл их «мое бюро погоды». Со временем Рузвельт использовал эту сеть информаторов в собственных политических целях, которые очень часто не совпадали с тем, что замышляла старая гвардия демократов. Складывалась некая теневая структура, чья близость к «низам» отражалась и в новых мировоззренческих ценностях.

Основная масса законов и постановлений начального периода «нового курса» была принята в чрезвычайной спешке, за первые три месяца пребывания правительства Рузвельта у власти. Зачастую законодатели на Капитолийском холме не имели времени ознакомиться с существом многих предложений, как они становились законами. Однако скоропалительность дала выигрыш во времени. Это были 100 дней, которые помогли американскому капитализму избежать своего Ватерлоо. 16 июня 1933 г. чрезвычайная сессия конгресса завершила свою работу, приняв серию реформ, беспрецедентных в истории государственной практики США и способствовавших оживлению хозяйственной деятельности. Разумеется, самым важным итогом было то, что экономика США прошла самую глубокую фазу кризиса, и хотя восстановление проходило далеко не последовательно, все же

его признаки были налицо. К 1934 г. почти вдвое по сравнению с 1929 г. уменьшилось число банкротств промышленных компаний. Число рабочих на автозаводах в Детройте, где безработица охватила три четверти населения, намного возросло. Расплатившись по займам AAA, фермеры Айовы впервые за много лет заполнили универсальные магазины в Де-Мойне. Давка в торговых рядах напоминала дни рождественских праздников. Театры Бродвея вновь засветились огнями, и во многих из них спектакли прошли с аншлагом. Национальный доход в 1934 г. был на четверть выше, чем в 1933 г. И все же сомнения в устойчивости достигнутого прогресса оставались неизменным элементом общественного умонастроения.

«После двух недель пребывания в Пенсильвании, — сообщила в августе 1933 г. Гопкинсу в Вашингтон одна из его наиболее надежных поставщиков доверительной информации, — у меня сложилось впечатление, что безработица вместе с рабочими волнениями там, где вновь открываются предприятия, через несколько месяцев может вылиться в большие беспорядки... Католический епископ, чья епархия включает Питтсбург и район угольных шахт, где забастовки становятся все более частыми, сказал мне: «Какой бы недостаточной ни была правительственная чрезвычайная помощь, она сейчас является самым главным стабилизирующим фактором. Пенсильванское управление помощи осенью может оказаться без денег, и не исключено, что оно не сможет немедленно найти эти деньги. Если это случится, федеральное правительство должно будет взять эти расходы на себя, иначе... я знаю, о чем говорю, да поможет нам всем Господь Бог».

***Размышления об истоках государства
«всеобщего благосостояния»***

Наиболее часто повторяющейся, шаблонной ошибкой исторической публицистики и политической пропаганды является представление о реформаторстве Рузвельта в виде нагромождения экспериментов, творимых «вслепую», в спешке, без четкого генерального плана, методом *ad hoc*. Что-то вроде мер по ликвидации пожара на палубе корабля, вспыхнувшего внезапно и вызвавшего панику. Пожалуй, в этом повинны и сам Рузвельт (вспомним его знаменитую инаугурационную речь в марте 1933 г.), и его соратники, усердно подчеркивавшие эксперимен-

тальный характер «нового курса», сконструированного якобы методом проб и ошибок, а также все последующие поколения исследователей и литераторов различной партийной принадлежности, неодинаковые по своим политическим убеждениям, симпатиям и антипатиям.

Из большого числа наиболее приметных суждений этого рода стоит привести только одно, которое явно того заслуживает, поскольку принадлежит бесспорному авторитету, пронизательному и ироничному Гору Видалу, автору многих знаменитых исторических романов. Обращаясь к анализу перемен в мире, происшедших в 80-х годах XX в. и, в частности, в связи с «перестройкой» в Советском Союзе, он писал в начале 1990 г. в газете «Обсервер»: «Когда в декабре 1986 г. Горбачев поворачивал ход мировой политики, “Тайм”, этот изначальный пропагандист “холодной войны”, предоставил сомнительную честь именоваться человеком года никого не вдохновляющей и малосодержательной фигуре Кори Акино. Но все проходит (Екклезиаст) даже в журнале “Тайм”. Вот уже четыре года я сравниваю мастерскую изворотливость и искусство импровизации Горбачева с политическим стилем Франклина Рузвельта. Мою точку зрения называли возмутительной. А теперь “Тайм” 1 января 1990 г. пишет: “Импровизация, скорректированная обратной связью, таким был образ действий Рузвельта... Политический стиль Горбачева наводит на мысль о Рузвельте”. Так писала “Тайм”. Всею свое время...» Гор Видал не отказал себе в удовольствии снисходительно ухмыльнуться («джентльмены, взросление дается не сразу»). Сочувствуя Горбачеву, он, по-видимому, ожидал, что политические новеллы последнего переживут их автора.

Мастерская изворотливость и импровизация. Историки и политологи всегда с этим охотно соглашались, когда говорили о социальной политике «нового курса» как о вынужденной реакции на возникшие в 1929 г. чрезвычайные обстоятельства — стремительную пауперизацию большинства населения, распространение социального недовольства и социального протеста в различных традиционных и нетрадиционных формах (порой экстремистских). Ныне в свете новых данных и нового опыта это представление нуждается в корректировке. Системный взгляд позволяет увидеть социальную политику Рузвельта на более значительную глубину ее мировоззренческой подосновы, чем это позволительно было сделать с привычных позиций, держа в поле зрения лишь

вершину, кульминацию процесса, его результат, и «не замечая» всего остального.

Начнем с того, что Рузвельту было свойственно ассоциативное мышление, предпосылкой которого было всем хорошо известное развитое чувство истории, ощущение исторического времени, в рамках которого ему приходилось действовать, и особой ответственности перед наследием. Далеко не всегда, однако, его биографы учитывают, что это чувство было дано ему не только воспитанием, но и всем жизненным опытом современника и активного участника многих поворотных по своему значению событий первой трети XX века. Целый букет революций и войн: русские революции, мексиканская революция, китайская революция, Русско-японская война, балканские кризисы, Первая мировая война. Наконец, потрясения социальной плоти в самих Соединенных Штатах — всеобщие стачки, фермерские выступления, рост политического радикализма, расовые бунты и расовые погромы. «Второклассный интеллект, но первоклассный темперамент», — сказал после встречи с Ф. Рузвельтом 8 марта 1933 г. девяностодвухлетний судья Оливер Уэнделл Холмс, по-видимому, подразумевая, что вновь избранному президенту недостает кругозора, адекватного сложнейшей ситуации, в которой он оказался в момент своей инаугурации. Не один только мудрый старец Холмс, почитаемый интеллектуальной элитой Америки, обманулся в оценке способности Рузвельта мыслить концептуально, масштабно, системно-последовательно, реалистично определяя главное и второстепенное в иерархии национальных приоритетов. Между тем задолго до драматических дней марта 1933 г. Рузвельт совершил ту скрытую от глаз внутреннюю эволюцию и подготовительную работу, которая позволила ему найти контрапункт всей программы реформ. Рэксфорд Тагвелл говорит об этом так: «...Он (Рузвельт. — В. М.) знал, что он должен быть президентом всего народа, а не только тех американцев, которые голосовали за него». Уже одно это требовало озаботиться о доступности благ для всех и для каждого.

Ощущение всенародной избранности как психологическая, а затем политическая установка родилась не благодаря только какому-то озарению под напором непрерывно растущей с 1929 г. социальной напряженности и, как тогда принято было говорить, «грома слева». Она выростала из размышлений вокруг опыта бурно развивающихся с конца XIX в. процессов и сдвигов в ана-

томии и физиологии индустриального общества, накопления в его недрах в годы войны взрывоопасного горючего материала, вызывающего революционные потрясения повсеместно и с такой же неотвратимостью, как муссонные ливни или торнадо в прериях. Летом 1919 г. всегда чутко улавливающая общественные настроения и отражающая их в своей обширной переписке супруга будущего президента Э. Рузвельт писала в письме из Вашингтона: «Сейчас все обеспокоены стачками и рабочим вопросом. Я считаю, что наступила новая эра, когда должны быть произведены революционные изменения в идеях, привычках и обычаях, если мы не хотим столкнуться совсем с другой революцией!» Революционные методы против революции? Можно понять и так. Главное же, способ мышления выдавал фамильную черту Рузвельтов — бесстрашное отрицание идолопоклонства, отказ от идеализации прошлого и настоящего, устремленность в будущее в сочетании с политическим реализмом.

Ф. Рузвельт в рискованном для молодого политика идеологически неконформистском, эпатажном духе озвучил этот вольтеррианский порыв в своей знаменитой речи перед Национальным комитетом Демократической партии в мае 1920 г. Предложенную им политическую стратегию он назвал «здравым либерализмом» в противовес политике «консерватизма и реакции» республиканцев. Идея борьбы с привилегиями элиты и акцент на всеобщем благе пронизывали эту по-своему программную, хотя в терминологическом отношении несколько расплывчатую, речь. Ее концовка звучала как призыв к наступательным действиям во имя решительных перемен в социальной сфере общественной жизни. «Итак, — говорил Рузвельт, — мы приближаемся к началу избирательной кампании 1920 г. и подходим к ней, вооруженные основополагающими установками, сориентированными на будущее: консерватизму, социальным привилегиям, дискриминации и разрушению мы противопоставляем либерализм, здравый смысл, идеализм, конструктивность, прогресс».

Все, как видим, оставалось в рамках и терминах вильсоновской риторики — «здравый смысл», «идеализм», «прогресс», — но Рузвельт явно лучше, чем кумир просвещенного либерализма, ощущал необходимость укрепления связи партии больших городов и южных плантаторов с пестрым и быстро увеличивающимся сектором электората, чье благополучие в материальном, правовом и социально-статусном смысле в первую

очередь зависело от поддержки государства, его готовности прийти на помощь тем, кто испытывал особо острую зависимость от колебаний экономической конъюнктуры и произвола финансово-промышленных кланов. В августе 1920 г. на формальной церемонии открытия избирательной кампании Рузвельт говорил: «Мы против вторжения денег в политику, мы против частного контроля над национальной финансовой системой, мы против превращения человека в обычный товар, мы против передачи городов под власть содержателей салунов, мы против нищенских заработков рабочих, мы против верховенства групп или клик». Под этой формулировкой мог бы подписаться любой западноевропейский социал-демократ.

Поражения демократов после Первой мировой войны, общественная апатия «эпохи нормальности» и тяжелая болезнь стали испытанием на прочность, но они не отвратили Рузвельта от дальнейшего продумывания новой социальной доктрины. Напротив. Физически неутомимое некогда тело оказалось парализованным, но пытливый ум сохранял способность улавливать самые тонкие нюансы меняющейся внутри страны и во вне ее обстановки. В рецензии на книгу своего друга Клода Бауэrsa «Джефферсон и Гамильтон», опубликованной в популярной тогда газете «New York World» (декабрь 1925 г.), Рузвельт идентифицирует свое миропонимание с Джефферсоном, «который вернул правительство рядовому избирателю», разрушив монополию аристократии богатства и власти. «Возможно, мы когда-нибудь получим своего Джефферсона», — заключал он. После повторного успеха республиканцев на общенациональных выборах это звучало смелым и не вполне своевременным выпадом со стороны представителя аристократических семей. После своего неожиданного появления на конвенте демократов в июне 1924 г. Рузвельт не участвовал в подготовке политической платформы партии, но, прибегнув к типичному для себя маскараду, он руками своего идейного alterego, супруги Элеоноры Рузвельт, внес целый пакет предложений к программе социального законодательства. В массе своей они предвосхищали социальное законодательство «нового курса», и хотя и были отвергнуты комитетом по резолюциям, тем не менее набрали внушительное число голосов. Это была маленькая проба сил с подстраховкой, позволяющей избежать серьезного риска политической компрометации, с последующим отнесением к разряду радикальных прожектеров и неудачников.

Тезис о «забытом человеке» и отказ от романтизации предпринимчивого, подчиняющего судьбу сверхчеловека составили костяк идейной платформы губернатора Рузвельта. Политико-философский и морально-этический подтекст этой непопулярной в его собственной партии и вызвавшей бурю возмущения у оппозиции объективизации строился на убеждении, что экономика относится к средствам, а не целям жизни, что человек есть первореальность, что жесткая индивидуалистическая модель развития (при которой выживает сильнейший, не озабоченный моралью, а уделом слабого и просто неповоротливого становится благотворительность и признание собственной неполноценности) выработала свой моральный ресурс, изжила себя. И еще на одном, в значительной мере интуитивном ощущении, — что государство вследствие развития той же самой экономики и усложнения социальной структуры приобретает ключевое значение как мощный инструмент, способный остановить хищническое ограбление нации, вернув ей ощущение первородства, самоценности. Сразу после выборов 1928 г. Рузвельт сделал многозначительное заявление-прогноз, вобравшее в себя разнообразные нюансы идущей повсеместно (и в Европе, и США) с конца войны острой общественной полемики: «Я убежден, — говорил он, — что в будущем государство... возьмет на себя значительно большую роль в жизни его граждан... Сегодня некоторые склонны считать, что эта мысль является типично социалистической. Мой ответ им будет таким: она «социальная», а не «социалистическая». Требовалось незаурядное политическое мужество, чтобы говорить об этой дифференциации в момент яростных гонений на инакомыслие.

Но Рузвельт неспроста обращался к этой небезопасной в Америке теме в ряде своих публичных выступлений и до и после осени 1928 г., хотя большинство его слушателей наверное тогда и не уловило всех тонкостей сделанного им противопоставления социального и социалистического вместе с констатацией возрастающего значения социальной функции государственной власти. А между тем во всем этом была своя интрига. Первое. Игра в понятия «социальный» — «социалистический» переводилась как «уже не либерализм и еще не социализм». Нечто такое, что посередине и к тому же не неизменное в своей зависимости от грядущей жизни, или по-другому: после Великой войны нельзя быть подлинным (не назывным) прогрессистом, если бояться «крутых» мер в социальной сфере, ассоциируемых

кем-то пусть даже и с социализмом. Второе. Рузвельт не побоялся сформулировать на перспективу новую доктрину социальной ответственности государства за судьбы своих граждан. Но он сделал это не в категорической форме, ибо не принадлежал к числу политиков, мыслящих императивами. Но это и не была импровизация, пусть даже скорректированная обратной связью. Скорее здесь уместнее говорить о политической доктрине, построенной (как говорил Н. А. Бердяев) на интуиции конкретной жизни и исторической прозорливости. В Европе, да и во всем остальном мире социал-демократия в послевоенное время усилила и укрепила свое влияние. Гонимая с Востока волна грозила докатиться до берегов Америки. Губернатор Нью-Йорка, чутко улавливая вектор изменений, стремился противопоставить приливу леворадикальных идей стратегию упреждающих действий.

Программа реформ, предложенная Рузвельтом опешившему законодательному собранию штата (где в обеих палатах большинство принадлежало республиканцам), показала, что конкретно понимает губернатор под социальной ответственностью государства: помощь фермерам и фермерским кооперативам, меры контроля за рынком сельскохозяйственных продуктов, улучшение рабочего законодательства, поддержка школы, реструктуризация налогообложения с целью выравнивания доходов, наконец, передача в общественный сектор производства электроэнергии и неординарные меры по реформе системы здравоохранения. Каждая в отдельности из предложенных реформ не была чем-то необычным, исходя из мирового опыта, но все вместе они составляли некую подкритическую массу даже для самого либерального штата в составе США. По крайней мере, в глазах консерваторов. Уже один этот перечень показывал, к какой части политического спектра принадлежал губернатор. И все это венчал призыв к новой Американской революции против баронов-грабителей в «Большой индустрии».

В 1931 г., в разгар экономического кризиса, губернатор Рузвельт нанес еще один болезненный удар по идеологическим опорам американизма в том его понимании, которое культивировалось сторонниками «твердого индивидуализма», с железной непреклонностью отвергавшими идею наделения государства функцией социальной защиты граждан, обездоленных экономической стихией. Социал-дарвинизм вынужден был оставить важные позиции, когда летом 1931 г. законодательное собрание

штата Нью-Йорк, созванное на специальную сессию главой исполнительной власти, без проволочек приняло закон о чрезвычайной помощи по безработице («Закон Уикса»), предусматривавший создание специальной Временной администрации помощи. Словечко «временная» оказалось утешительной уступкой фанатам формулы «выживает сильнейший». Была пробита брешь в антистейтсменском мировоззрении, где узаконение фактического неравенства уживалось с культом джефферсоновства и фарисейски циничным отношением к праву выбора рядового американца, «маленького человека». «Возница» предлагал выбираться на дорогу, не теряя даром времени и не пасуя перед критикой со стороны хранителей «американизма» и обвинениями в тайном сочувствии радикализму на европейский манер. Пройдет какое-то время, и судья Феликс Франкфуртер, сблизившийся в эти годы с губернатором Нью-Йорка и собравший вокруг него команду интеллектуалов («мозговой трест»), в письме другу-скептику У. Липпману скажет, что Америке следует идти именно таким путем, ведущим к «чему-то вроде эгалитаризма».

Итак, инкубационный период «нового курса» содействовал, а может быть, даже обеспечил создание необходимого интеллектуального задела для реализации будущей программы преобразований. Образно говоря, черновой вариант ответа на вопрос «Что делать?» сложился задолго до «экспериментальных» 100 дней. Без такого накопления интеллектуального капитала, размышлений об опыте других стран этой программы просто бы не было. Далее. В главном и основном Рузвельтом и его сплоченным окружением была продумана и политическая стратегия реформ, для которой едва ли кто-нибудь другой лучше Рузвельта мог бы найти короткое, но метафорически емкое и неповторимо близкое к сути обозначение: «чуть-чуть левее центра».

Идеи и короткий, отнюдь не заверченный опыт социального реформаторства, приобретенный Рузвельтом в конце 20-х — начале 30-х годов на посту губернатора штата Нью-Йорк, имели своей проекцией более чем десятилетний бурный период политической активности, вошедшей яркой страницей в историю XX столетия. При этом социальная политика Рузвельта в период президентства была настолько органично увязана с каждым шагом президента как национального лидера, всем его обликом и риторикой, что в глазах всех будущих поколений стала идентифицироваться исключительно с личностью великого политика. Однако это

было только отчасти справедливо, если учитывать субъективные устремления самого Рузвельта, который мог проявлять и осторожность, и медлительность, и даже нежелание что-либо менять в тех случаях, когда это угрожало неустойчивому равновесию между основными общественными силами, между низами и верхами. Само время и ход событий выступали соавторами реформ, не только диктуя линию поведения Рузвельта, но и формируя энергетику «нового курса» в целом, его внутреннюю динамику, прямо связанную, прежде всего, с экономическими условиями и с ситуацией в сфере социально-классовых отношений.

Предлагая обществу каскад преобразований и обновленческих идей (в истории американских администраций они носили беспрецедентный характер), Рузвельт имел существенное преимущество перед реформаторами прошлого как в Америке, так и в других странах. Весь период реформ «нового курса» в США протекал в обстановке сохранения относительной стабильности государственных институтов и традиционных политических структур в стране как на федеральном, так (в основном) и на местном (штатном) уровнях. Сформировавшееся и жизнеспособное гражданское общество, воспитанное на уважении к конституционному порядку и предоставляющее выход общественному недовольству через легитимные каналы — прессу, парламентскую оппозицию, лоббизм, различные формы религиозно-общинной деятельности, просветительство и т. д., — служило своеобразным амортизатором, снимающим избыточное социально-политическое напряжение. Но, бесспорно, многое зависело от политического лидера, способного, как писал Альфред Вебер, служить «образцом индивидуальности». Рузвельт оказался таким лидером. Он остерегался крутых, пропагандистски эффективных экспромтов, способных в случае неосторожного движения или идеологического «выверта» вывести конституционно-правовую и государственную системы из равновесия. В его планы не входил и отказ от основных постулатов американизма, традиционных ценностных приоритетов либерализма. Он не предавал анафеме прошлое, а лишь требовал хладнокровно демистифицировать его реальный контекст, трезво оценить его плюсы и минусы. Оставаясь реформатором, Рузвельт не стремился продемонстрировать пренебрежение к превратностям ради того, чтобы остаться в «памяти на века».

Хладнокровный учет масштаба кризиса и возможностей его преодоления без великих потрясений — вот что, пожалуй,

отличало действия Рузвельта как политика. Здесь кроется объяснение многих «нетипичных» особенностей политической ситуации в стране. Так, имущественные, социально-классовые противоречия в Америке в годы Великой депрессии обострились, но президент искусно и эффективно, используя весь арсенал доступных ему средств, препятствовал политизации общества, которая подвела к краю пропасти такие страны, как Россия, Германия, Испания, Франция. В стране развивались как леворадикальные, так и правозэкстремистские движения, но их рост сдерживался изобретательной, гибкой политикой властных структур, ньюдилеров снизу доверху, идеологически открыто не противопоставлявших себя ни правым, ни левым, а главное, всерьез при поддержке федерального правительства взявшихся за работу по трудоустройству безработных, строительству муниципального жилья, модернизации трудового права, борьбе с преступностью, организации помощи фермерам, деятелям культуры, перестройке банковской системы, образования, созданию системы социальной защиты населения, улучшению инфраструктуры городов и поселков, техники безопасности и т. д. Поворот властей лицом к непривилегированным слоям вызывал спонтанный оптимизм, от которого, как говорил английский экономист Кейнс, зависит большая часть (в отличие от ожиданий, основанных на расчетах и стремлении к выгоде) позитивных устремлений человека, его способность к реальным свершениям, действиям. Этот «психологический множитель» наряду с воспроизведением Рузвельтом многих почерпнутых из арсенала леворадикальных и популистских движений практических предложений перекрыл каналы распространения влияния последних на широкие социальные низы, общественные и профессиональные организации. Подавляющее большинство из них оставалось более или менее последовательными сторонниками «нового курса» и президента Рузвельта до самого конца.

«Выполнимая программа реконструкции» с ударением на первом слове этого словосочетания — вот квинтэссенция той формулы практических действий, с которой Рузвельт обратился к народу. Президент-демократ отказался от формулирования «великих замыслов». Создание нового типа государства — «государства всеобщего благосостояния, где простые люди — рабочие, фермеры, интеллигенты, мелкие предприниматели — могли бы чувствовать себя защищенными в процветающем обществе, со-

ставляло содержание высказанных им в речах мыслей, ставших его платформой. Она была предельно проста и понятна, хотя и обладала важной отличительной чертой, оставаясь даже в годы войны адресной и социально ориентированной. Тем она отличалась от реформ и преобразований Бисмарка, обусловленных милитаристскими целями. Все же остальные свойства (вплоть до обвинений в законспирированной прокоммунистической направленности) были по большей части либо приписаны «новому курсу» его сторонниками и противниками, либо являлись плодами «творчества» на местах, где те или иные политические группировки, поддерживая в целом президента, уклонялись по собственной инициативе влево и даже пытались перехватить лидерство у умеренного ядра Демократической партии.

Основополагающие принципы Локка и Бентама Рузвельтом нарушены не были. Поверим Л. Харцу, хотя есть и другие мнения. Еще раз отметим, что и в годы Второй мировой войны, принесшей стране небывалое экономическое процветание, Рузвельт не изменил своей концепции активного государственного дирижизма в целях продолжения эффективного функционирования гражданского общества, имеющего сбалансированные социальные и межэтнические отношения, а главное — не на словах, а на деле озабоченного материальным благополучием и сильных, и слабых. Вошедший в обиход термин «welfarestate» хорошо передавал процесс перевоплощения «американской мечты» в силу изменения как внутренних, так и внешних условий в уравнение социального статуса богатых и бедных, признания принципа социальной защищенности граждан страны.

Все сказанное не противоречит тому, что Рузвельт зачастую намеренно уходил от включения в повестку дня многих вопросов, способных позволить сравнивать его со сторонниками более радикальных мер. Между тем среди них были жгучие вопросы о межнациональных и межрасовых отношениях, о гражданских правах для черных американцев, о федеральной системе обязательного медицинского обеспечения населения и др. Рузвельт отклонил требования форсировать принятие соответствующего законодательства по этим вопросам, полагая, что общество не готово принять его на основе добровольного консенсуса, устраняющего возможность серьезного всплеска социально-классовых конфликтов. Отвечая на вопрос о сущности его социальной философии, он заявил как-то, что является и демократом и христианином.

В этой преднамеренной расплывчатости, собственно, и заключалось понимание им задач общественного обновления, идущего дальше классического либерализма, но не порывающего с ним.

Инициативная роль исполнительной власти в проведении реформ и политики социального партнерства сопровождалась усилением института президентства. И это было еще одной важной чертой концепции «welfare state». Фактически он автоматически наделялся особыми полномочиями, не предусмотренными конституцией. Возник феномен «имперского президентства», стремящегося на себе замкнуть принятие многих важных решений по реформированию сверху экономики и государственных структур.

Говоря об особом понимании Рузвельтом функций «ответственного правительства», нельзя не сказать о региональном аспекте его «Плана реконструкции». Особенно характерен пример Юга. К 30-м годам Юг в социально-экономическом отношении если и занимал особое место в экономической структуре, то, скорее всего, как некий реликтовый политико-культурный субстрат, как «зона сплошной бедности» и отсталости. Однако южные политики, представлявшие, в сущности, однопартийную структуру (на Юге полностью доминировали демократы-диксикраты) в рамках национальной двухпартийной системы, играли очень важную роль в конгрессе и его комиссиях, как правило, лидируя в организации сопротивления нововведениям, закладывающим основы «государства всеобщего благосостояния». Рузвельт сумел добиться здесь перелома. Лидеры демократов, используя свое влияние на комитеты конгресса, сумели сгладить главные противоречия между южным (консервативным) и северным (либеральным) крыльями партии и тем самым не только предотвратили раскол, но и создали предпосылки для превращения «черного пояса» в анклав движения за «социальное государство». Фигура спикера палаты представителей Сэма Рейберна, южного демократа, но надежного сторонника Рузвельта, показательна в этом смысле. Однако цена, которую приходилось платить за единство, была достаточно велика: уход от прямой критики недемократических, расистских порядков на Юге и отказ от форсированного внедрения идей равенства белых и афроамериканцев. Неясные и невыясненные (в достаточной мере), но тем не менее существовавшие планы Рузвельта повести дело (после выборов 1940 г.) в направлении реоргани-

зации Демократической партии с целью создания на ее базе новой «прогрессивной» партии, очищенной от консервативных элементов, во многом были связаны со сложными взаимоотношениями Рузвельта с местными партийно-политическими элитами, особенно на Юге.

Политический ландшафт США 30-х годов благодаря социальному реформаторству Рузвельта изменялся очень динамично. Но эти изменения носили неоднозначный характер. И большинство из них имело свою специфику в региональных границах, хотя сжатие или расширение социальной базы реформ вело к обновлению обеих ведущих партий в целом — Демократической и Республиканской. Республиканская партия сблизилась, например, с либеральными реформаторами в промышленных центрах Северо-Востока и в Калифорнии и сползла на более антиреформаторские позиции в некоторых западных штатах и на Среднем Западе. Прогрессивный республиканизм на Среднем Западе, оставивший заметный след в политической истории США в 1900–1939 гг., фактически исчез к 40-м годам полностью. Фермерство охладело к государственному регламентированию, требуя невмешательства в его хозяйственную деятельность. В условиях оживления экономики и роста доходов оно жаждало большей свободы и независимости.

Видя неоднозначные изменения в общественных настроениях, Рузвельт в своих действиях руководствовался не идеологическими, а преимущественно чисто политическими соображениями. Президент предпочитал взаимодействовать с прочно устоявшимися политическими машинами или организациями, предлагая им взамен поддержки тех или иных начинаний свой патронаж, финансовую помощь городу, штату и т. д. Его не столь сильно занимала партийная принадлежность той или иной политической организации и идеологическая окраска ее программных заявлений, сколько ее конкретная позиция в отношении реформ, реальные масштабы ее влияния на электорат и возможность использовать его в собственных целях. Идеологический фактор во взаимодействии президента с общественными силами был сведен к минимуму, поскольку он мог только препятствовать осуществлению Рузвельтом его миссии модератора, гаранта политической стабильности, посредника в классовых отношениях. Он даже порой принимал поддержку общественных сил, в которых лидирующую роль играли коммунисты и социалисты.

Таким путем ему удавалось сохранить за собой политическую инициативу.

Эпоха «нового курса» наложила свой, и притом решающий, отпечаток на всю последующую экономическую, социально-политическую и духовную жизнь США, на модификации ценностных ориентаций американцев, их представлений о том, каким должно быть модернизированное государство «первой новой нации», его функции после краха вигистской модели и в условиях склонения к тоталитарным моделям и распространения этатизма. Идею «государства всеобщего благосостояния» Рузвельт сумел выразить в следующих немногих, но емких словах, вобравших суть проводимых им реформ, и прежде всего создания условий для осуществления более справедливого распределения национального богатства при концентрации усилий на решении проблемы бедности: «О мере нашего прогресса следует судить не по тому, сколь большим будет приращение к благополучию тех, кто и без того не обделен богатством, а по тому, достаточно ли мы поддерживали тех, кто владеет слишком немногим». Он мог бы выразить ту же мысль словами великого русского публициста: «Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи?»

<...>

Глава IV *«Чуть-чуть левее центра»*

Формула успеха

Полоса социально-экономических реформ в США, хронологически охватывающая почти целое десятилетие 30-х годов и обычно связываемая с именем Франклина Д. Рузвельта, вошла в историю страны как эпоха «нового курса». Однако на деле, разумеется, ничего принципиально нового в том, что сам Рузвельт первоначально собирался осуществить, не было. Дело было в другом. Если воспользоваться мыслью Альфреда Вебера, высказанной им в начале 1918 г. по поводу Вудро Вильсона, суть происходившего заключалась в способности Рузвельта пробудить и выразить настроения народа подобные тому воодушевлению, что испытывали крестоносцы, придав им соответствующую идеологическую форму. Структурно обусловленный факт, таким

образом, обретает с течением времени в ходе трансформаций законченный вид подлинной революции сверху. Явление типичное для многих стран (вспомним Бисмарка или Наполеона III), хотя этот общетеоретический вывод предполагает в каждом отдельном случае выяснение ряда специальных моментов, как то: в результате действия каких исторических сил вызваны к жизни глубокие преобразования, осуществленные на почве данного общественного уклада, но открывающие в нем новые витальные силы, как сказываются на них динамика классовой борьбы, объем массы ее участников, а также другие качественные показатели, включая общую политическую обстановку — внутреннюю и международную?

Известное положение о том, что реформы, как правило, следуют за социальным действием, полностью подтверждается всем ходом исторического развития США в эпоху индустриализма и модернизации. Показательно, что первое серьезное проявление либерального реформаторства как идейно-политического течения на американской почве было прямо связано с подъемом борьбы рабочего класса, оживлением широких демократических движений фермерства и городских средних слоев в конце XIX и начале XX в. Аграрный радикализм в лице популистского движения и усиление бунтарских настроений в рабочем движении с заметным креном в сторону социализма Дебса и Де Леона вызвали к жизни феномен брайанизма. Помня о политической функции брайанизма как инструмента гашения социального протеста, очень важно вместе с тем отметить его способность аккумулировать энергию масс, особенно мелкобуржуазных слоев. Будучи прямым продуктом партийно-политической машины демократов, Брайан в целях удержания в сфере влияния этой машины части электората, уходящего влево, счел необходимым предложить суррогат левоцентристской платформы, скроенный на основе совмещения идей раннего популизма и социал-реформизма с антиимпериализмом и пацифизмом.

Не вдаваясь в частности, заметим, что наиболее типичным для брайанизма, как политической философии прогрессизма, было именно это стремление сохранить связь с самобытной традицией демократизма низов, отмеченной недоверием к богатству, плутократии, войне, коррупции, внешнеполитическому экспансионизму. Не случайно Брайан долгое время не оставлял мысль обратить Демократическую партию в партию сторонников

муниципальной собственности и пропагандировал лозунг национализации железных дорог. Известно также, что он критически отозвался о попытках сделать США «мировым полицейским». Это на фоне усиления внешнеполитической экспансии США в начале XX в. и роста глобальных appetитов американских корпораций произвело на широкую публику довольно сильное впечатление и не могло не иметь положительного значения. Изобличения грабительских помыслов и практики монополий, доброжелательное отношение к требованиям профсоюзов, заверения в верности пацифизму обеспечили «великому простолыдину» симпатии рабочих, городских средних слоев, мелкого фермерства, радикальной интеллигенции, иммигрантов. Отвоевав у социалистов голоса многих их неустойчивых сторонников, брайанизм ценой шагов навстречу радикальным настроениям объективно выполнил свою роль — дал толчок новой перегруппировке сил в составе избирательного корпуса демократов, увеличения в нем городского элемента, способствовал приобретению ими репутации народной партии за счет расширения и демократизации ее идейной платформы.

В дальнейшем освоение искусства мимикрии со стороны, в сущности, весьма дюжинного либерализма стало ведущей политической традицией Демократической партии, несмотря на то что это порой стоило внутреннего разлада, а временами ослабления поддержки класса крупных собственников. Уже на заре своей политической карьеры Рузвельт высоко оценил преимущества этой способности к поверхностному перевоплощению, ставшей отличительной чертой Демократической партии с момента знаменитого чикагского съезда (1896 г.). Однако во всем остальном он был противником брайанизма, отзываясь о нем как о малопочтенном прожектерстве и опасном заигрывании с огнем.

Мы уже видели, что мирозерцанию Франклина Рузвельта ближе всего была другая, более умеренная разновидность либерального реформаторства, которая к 1912 г. выкристаллизовалась в политической философии Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона, воплотив в себе идеи частичного государственного регулирования капиталистической экономики и модернизации правовых институтов в целях упорядочения под эгидой государства социальных отношений, оказавшихся в результате неконтролируемого хозяйничанья капитала на грани опаснейшего для его собственного господства кризиса. Поскольку в условиях

затухания аграрного радикализма к началу Первой мировой войны необычайно ярко и выпукло выступило главное противоречие бурно развивающегося по пути индустриализации общества — противоречие между трудом и капиталом, либерализм этого рода обнаружил известную предрасположенность к смещению в сторону назревших проблем «рабочей» политики, их решения по образцу передовых европейских стран.

Сами ведущие фигуры администрации «нового курса», включая президента, признавали, что рабочий вопрос в годы Великой депрессии занимал центральное место в их деятельности, хотя они никогда ранее и не предполагали, что он может играть столь важную, а порой даже решающую роль в политической борьбе всех этих лет. Ход событий заставил президента, его советников и парламентариев, казалось, давно отвыкших думать категориями социальных нужд, да и весь класс собственников в целом повернуться лицом к самой острой и не терпящей отлагательства проблеме. Письма С. Розенмана, ближайшего советника Рузвельта-губернатора, свидетельствуют, что будущий президент уже зимой 1932 г. был весьма озабочен мыслью о том, каким он предстанет в глазах рабочей Америки — ретроградом или человеком прогрессивных убеждений, сторонником перемен или пугалом радикалов.

Благодаря хорошо поставленной еще в ходе избирательной кампании 1932 г. службе информации, психологической разведке, новый президент и его «мозговой трест» были неплохо осведомлены о настроениях в промышленных центрах. Сомнений быть не могло — мятежный дух проник в сознание рабочей Америки и может вскоре овладеть им. Лорена Хиккок, опытная и наблюдательная журналистка, добровольно взявшаяся быть информатором Гарри Гопкинса и исколесившая по его поручению вдоль и поперек дороги Востока и Запада, Севера и Юга, не скрывая внутреннего волнения, в своих регулярно посылаемых в Вашингтон докладах описывала трагические картины нищеты и бедствий, в море которых все глубже и глубже погружалось трудовое население страны. В ее докладах резче всего сквозила одна мысль: социальное напряжение достигло сверхопасного предела даже в тех местах, где подавляющее большинство трудового населения издавна отличалось «стопроцентным патриотизмом», политическим консерватизмом и повышенной религиозностью. Пораженная фактом деградации материальных условий жизни

тысяч рабочих семей, оставшихся без элементарных средств к существованию в силу безработицы и бездеятельности властей, Хиккок особый упор делала на то, что дальнейшее ухудшение положения может привести во многих местах к неизбежной развязке — вооруженным столкновениям с применением огнестрельного оружия, накопление которого (особенно в шахтерских поселках) приняло угрожающие размеры. С часу на час можно ждать, сообщила она, что все эти ружья и револьверы «заговорят».

Превосходно уловив эту зреющую решимость населения промышленной Америки добиваться перемен, Рузвельт делает шаг навстречу его чаяниям, провозглашая знаменем национальной политики курс на реформы, но реформы социально-правового характера, поначалу устраняющие лишь самые вопиющие проявления господствующей в обществе системы социального неравенства и сохраняющие в абсолютно неизменном виде ее устои. Знакомясь с программой нововведений, начертанной Рузвельтом в его выступлении в разгар избирательной кампании 1932 г., Уолтер Липпман, один из самых проникательных американских политических обозревателей того времени, с нескрываемым разочарованием отметил, что убеждениям избранника демократов недостает соответствующих моменту определенности и продуманности. Липпман ничуть не сгустил краски — бесцветность позитивной программы Рузвельта прямо-таки бросалась в глаза. Однако он явно недооценивал особенности тактического мышления Рузвельта, поражавшего даже близко знавших его людей способностью гибко реагировать на меняющуюся обстановку, скрытно от противников (чтобы застать их врасплох) подготавливать свои новые шаги. Не соглашаясь с Липпманом, близко знавший Рузвельта Феликс Франкфуртер писал о его умении молниеносно видоизменять свою позицию, о его склонности к неожиданным (даже для советников) ходам, рассчитанным втайне им самим, без посвящения посторонних, и целиком подчиненным его собственным тактическим замыслам.

Франкфуртер не ошибался: вступив в должность президента, поставленный лицом к лицу с возможностью возникновения кризиса власти, Рузвельт тотчас же отдает распоряжение о созыве особого совещания по «рабочему вопросу» под эгидой нового министра труда Фрэнсис Перкинс. Совещание призвано было обсудить два главных вопроса: во-первых, чрезвычайные меры, вытекающие из катастрофического положения с занятостью,

и, во-вторых, задачи, связанные с реализацией долгосрочной программы «улучшения условий труда в США». В повестке дня совещания первыми были названы такие меры, которые шли дальше туманных обещаний предвыборной платформы Демократической партии и существенно уточняли позицию самого президента. Было предусмотрено, например, обсуждение широкой программы трудового законодательства, обеспечивающей не только улучшение условий труда, но и восстановление «нормальной занятости». Президент хотел видеть на этом совещании представителей организованного рабочего движения, т. е. профсоюзов, чье участие на правах младшего партнера в процессе «реконструкции промышленной системы» рассматривалось в качестве весьма важного условия успеха.

Программа совещания в Вашингтоне во многих своих чертах, как оказалось, не только предвосхищала трудовое законодательство «нового курса», но и предусматривала создание некоего подобия совещательного органа при министре труда, состоящего из специалистов и представителей профсоюзов. Это был прообраз консультативного совета по труду при Национальной администрации восстановления и его преемников — Национального управления труда и Национального управления по трудовым отношениям. Ничего подобного в предвыборной платформе демократов не было, и, возможно, никто даже из самого ближайшего окружения Рузвельта не подозревал, что президент сделает такой резкий крен в сторону признания определенной роли профсоюзов в процессе регулирования трудовых отношений и одновременно наделения правительства весьма широкими полномочиями в деле поддержания «промышленного мира». Рузвельт возвращался к наследию Вильсона.

Следуя именно этому плану, Рузвельт уже в марте 1933 г. делает широкий жест в сторону верхушки профлидеров, приглашая их усесться за один стол с министром труда, ведущими боссами делового мира и выработать сообща программу преодоления кризиса в области производства, занятости, социальной помощи. Встречи в Белом доме, порог которого многие профсоюзные вожди переступали впервые, носили непринужденный и внешне даже доверительный характер. Настороженность растворилась в эйфории надежд и радужных прогнозов. Сидней Хиллмэн, очарованный обхождением президента и его манерами, после обнаружения Закона о восстановлении промышленности

назвал его чем-то вроде «овеществленной мечты». А после того как Рузвельту в считанные дни удалось предотвратить полный финансовый крах и стать благодаря этому национальным героем, никто, кроме марксистов, не хотел и слышать о наивных заблуждениях в отношении судьбы «менял», денежных воротил, которых президент обещал изгнать из «храма». Скептические голоса тонули в возгласах одобрения.

Однако единодушная одобрительная реакция трудящихся на первые акты администрации «нового курса» посеяла тревогу в другой части общества. Подчеркнутый демократизм и общительность президентской четы резко контрастировали с равнодушием к страданиям нищих соплеменников и высокомерием главы ушедшего в отставку «правительства миллионеров» — республиканца Герберта Кларка Гувера, рождая новые опасения и побуждая имущие классы к скрытому сопротивлению. Попытки Элеоноры Рузвельт вызвать сочувствие к курсу на перемены путем пересказа докладов Лорены Хиккок о бедственном положении рабочих в индустриальной глубинке были с возмущением отвергнуты в финансово-промышленных кругах. Сострадание к слабым и «неудачникам» было здесь не в почете, так же как и призывы к сдержанности и осторожности в решении трудовых конфликтов, обращенные к хозяевам. И то и другое считалось моральным поощрением актов насилия со стороны рабочих, разжиганием «классовой ненависти», подрывом прав собственности и авторитета власти.

Раздражение в «верхах» накапливалось по мере того, как Рузвельт, легко улавливая главный тон общественных настроений, превращал тему безнравственности и безответственности большого бизнеса в особый раздел своих воскресных радиопроповедей («беседы у камелька») для миллионной аудитории, жадно внимавшей каждому слову нового президента. Он делал это в знакомой и ненавистной многим манере раннего Брайана, восхваляя стоицизм «простого человека» и порицая промышленных магнатов за безжалостные способы наживы на человеческом труде, за их бьющие в глаза враждебность, нетерпимость и заносчивость в отношении рабочих и профсоюзов, жестокосердие и вероломство. Рузвельт сознательно выбирал слова покруче и похлеще. Неудивительно, что предприниматели платили ему неприязнью, выговаривая за недостаток решимости в противодействии «незаконным» притязаниям и обвиняя в угодничестве

перед неимущими слоями, мягкотелости, даже в тайных замыслах «советизировать» Америку. С конца 1933 г. в американской печати то и дело стали появляться статьи, обвиняющие Рузвельта в скольжении по наклонной в сторону подстрекательства «низов» к революции.

Белый дом оказался в нелегком положении. Большая ссора с крупным капиталом никак не входила в его планы. Стремясь предотвратить обострение конфликта, Рузвельт доказывал, что он возник из-за упрямого нежелания монополистов постичь истинный смысл «нового подхода к рабочему вопросу». Он не раз сетовал на то, как много неудобств пришлось ему испытать, приучая предпринимателей к сдержанности и демонстрируя терпимость, а в случае необходимости даже обходительность там, где его предшественники, не раздумывая, пускали в ход судебные предписания, полицейские дубинки, слезоточивый газ, пули и даже танки. На фоне многочисленных карательных экспедиций администрации Гувера против движения безработных и фермерских выступлений, мстительных призывов раздавить их применением силы эти заверения в политической благовоспитанности новой администрации звучали вызовом приверженцам «порядка любой ценой», по всем признакам уже начинавшим терять голову. Это, разумеется, не означает, что Рузвельт отказался от использования чисто охранительных методов и средств в целях контроля за деятельностью профсоюзов, леворадикальных политических организаций, компартии и т. д. Напротив, администрация «нового курса» поставила дело тайной слежки за рабочей оппозицией на широкую ногу. В 30-х годах впервые в политической истории США правительство страны санкционировало подслушивание телефонных разговоров, тайные налеты и обыски в штаб-квартирах общественных организаций и т. д. Полномочия ФБР были значительно расширены, его охранительные функции получили статусное выражение.

Однако вплоть до начала Второй мировой войны, стараясь всемерно укреплять социальную базу «нового курса», Рузвельт отрицательно относился к применению политических репрессий, сдерживая усердных сторонников крутых мер. Рост радикальных настроений он решил «убить мягкостью» в комбинации с посреднической дипломатией, способной убедить всех, что правительство стоит выше сословных интересов, что оно готово восстановить социальную справедливость и гармонию повсюду,

куда простирается его власть. Все другие средства должны были играть подсобную роль. Развивая эти мотивы, супруга президента, чье влияние на стиль и методы социальной деятельности новой администрации было весьма заметным, придавала им форму, близкую той, в которой вели свою агитацию многочисленные последователи социал-утопических взглядов писателя, властителя дум читающей публики в XIX в. Эдварда Беллами. Среди рьяных почитателей Беллами нашлись даже такие (в том числе и классик литературы Эптон Синклер), которые решили, что у них появился влиятельный союзник в Белом доме.

Рузвельт не разделял увлечений своей супруги, среди друзей которой было много известных левых деятелей, и остерегался быть заподозренным в сочувствии им. Тем не менее он придавал особое значение созданию нового имиджа федерального правительства и Белого дома как образцовых институтов государства «всеобщего благоденствия». Пустяковые усилия, не требующие никаких реальных затрат, с его точки зрения, могли иметь большой психологический эффект и принести солидные политические выгоды Демократической партии. Достаточно сказать о специальной службе почтовой переписки, которую широко использовал Белый дом с целью активного воздействия на общественные настроения в самых «горячих» районах страны, где брожение умов было доведено до точки кипения ухудшением экономического положения и бездеятельностью местных властей. Видя собственными глазами плоды этих хитроумных усилий, Л. Хиккок поражалась контрасту между реальным значением тех или иных (чаще всего чисто пропагандистских) жестов президента и воздействием их на воображение людей, ищущих спасения от кризиса, нищеты и голода. Но, несмотря на чисто декларативный характер многих заявлений Белого дома, констатировала она, Рузвельт добивался своего: вера в решимость президента достигать методом либерального лицедейства народного блага предотвращала рабочие волнения там, где, казалось, достаточно было одной лишь искры.

Следующее место из доклада Л. Хиккок Гопкинсу от 8 апреля 1934 г. говорит об умелом манипулировании Рузвельта наивными представлениями больших масс людей с помощью специально отработанной либеральной риторики и других изобретенных президентом и его штабом нехитрых средств политического обольщения. «Весьма забавно, — писала она, — но все люди

здесь (речь шла о шахтерских поселках Алабамы. — *В. М.*), кажется, полагают, что знают президента Рузвельта персонально! Это вызвано отчасти, я думаю, тем, что они слышали по радио его выступления, когда он говорил с ними самым дружеским, доверительным тоном. Подумайте только — они воображают, будто он беседовал с каждым из них в отдельности! Конечно же, они не всегда понимают, какой смысл вкладывает он в свои слова, и склонны истолковывать их так, как им хочется. Еще одна забавная штука — это огромное количество писем за подписью Рузвельта и госпожи Рузвельт, которые циркулируют здесь повсюду. Чаще всего они представляют собой всего лишь краткое и чисто формальное уведомление о получении жалобы или просьбы об оказании материальной помощи. Но я очень сомневаюсь, чтобы какой-либо другой президент или его жена были столь пунктуальны в отношении оповещения о получении писем от простых граждан. И люди воспринимают эти формальные извещения вполне серьезно, в качестве доказательства установления личных контактов с президентом. В определенном смысле это приносит огромный положительный эффект. Популярность президента и г-жи Рузвельт очень возросли. Многие из этих людей, привыкших видеть в лендлорде или предпринимателе своих благодетелей, теперь обращают свой взор к президенту и г-же Рузвельт! Они верят, что последние одарят их заботой и попечением».

Моральный эффект от этой операции по восстановлению доверия к президентской власти на фоне заметного улучшения экономической конъюнктуры превзошел все ожидания. Процесс внедрения новых принципов правового регулирования трудовых отношений в промышленности проходил в острейшей, порой кровопролитной борьбе, в которую периодически вынужден был вмешиваться Белый дом с тем, чтобы «водворить мир». Однако найденный президентом тон, способный создать впечатление искренней озабоченности администрации соблюсти интересы обеих сторон, создавал эффект социального равновесия, гармоничного взаимодействия равноправных групп в системе трудовых отношений. По этой причине реальный смысл событий не доходил до многих рядовых участников рабочего движения: уступки, вырванные рабочими у промышленных магнатов в упорной борьбе, воспринимались ими самими как милость федеральных властей или, по крайней мере, как результат их совместных усилий.

Правительство считало своим долгом поддерживать подобные представления и делало это весьма искусно. Особенно показательны в этом отношении события осени 1936 г. и весны 1937 г., когда ньюдилеры лицом к лицу оказались едва ли не перед самым трудным выбором.

Охватившие в этот период автомобильную промышленность массовые и упорные «сидячие» забастовки внесли во взрывоопасную ситуацию элемент повышенной нестабильности, чреватой социальными беспорядками, беспрецедентными по масштабу и накалу. Переписка губернатора Мичигана Фрэнка Мэрфи показывает, как страстно хозяева корпораций, полицейские чины и консервативные политики в обеих буржуазных партиях жаждали реванша: рабочие, захватившие заводы, в их понимании нанесли тяжелый удар по праву собственности, опровергли ее неприкосновенность. Губернатора сначала обвиняли в непростительной медлительности, затем в неуважении к закону и, наконец, даже в тайном сочувствии коммунизму. В марте 1937 г. среди бизнесменов возникло движение за его отзыв.

Между тем никто лучше либеральных реформаторов (а к ним принадлежал и Мэрфи) не видел, в какую пропасть перманентных социальных потрясений с неясным исходом для самих устоев двухпартийной системы и всей существующей структуры власти может завести слепая ярость охранителей и сторонников «порядка» любой ценой. У ньюдилеров отнюдь не угасла надежда, что нажиму рабочего радикализма, широких движений социального протеста можно противостоять, оставаясь на почве правопорядка, иными словами, не прибегая без крайней нужды к репрессивным мерам, прямому насилию, полицейскому террору в духе кошмаров памятной всем «красной паники» 1918–1920 гг. или вашингтонского побоища летом 1932 г. Своеобразным документальным свидетельством социальной философии либерализма эпохи «нового курса», как нам кажется, могут служить пояснения того же Мэрфи в отношении мотивов его поведения в разгар острейшего классового конфликта в автомобильной промышленности в 1936 и 1937 гг. В письме от 25 мая 1937 г. губернатор Мичигана, обвиняемый людьми его же круга в соучастии в покушении на священные права собственности, в исповедальном порыве признал, что все уступки рабочим были вынужденной мерой, диктуемой только беспрецедентным характером возникшего кризиса и стремлением отвести угрозу

всеобщей политической забастовки, а может быть, и кое-чего посерьезнее.

Точно такой же позиции в аналогичной ситуации, но применительно к общенациональному масштабу придерживались и президент Рузвельт, и министр труда Ф. Перкинс, воздавшие должное тактике лавирования и толерантности Мэрфи и поздравившие (в один и тот же день) губернатора с урегулированием конфликта, который, как выразился президент, «был чреват серьезными беспорядками и расстройством».

Рузвельт: «Социальная справедливость, уже не являясь отдаленным идеалом, стала нашей ясной целью»

Итак, реформы «нового курса» не акт милосердия, не дань христианской добродетели, а прямой результат борьбы рабочих и предпринимателей, профсоюзов и корпораций, низов и верхов. Говоря о генезисе реформы рабочего законодательства «нового курса», очень важно учитывать и внешний фактор, прежде всего прямое и косвенное воздействие формально провозглашенных прав трудящихся в СССР. В 30-е годы там были осуществлены и многие реальные дела — ликвидирована безработица, обеспечено было последовательное осуществление широких социальных программ в области здравоохранения, просвещения, жилищного строительства, охраны труда, детства и материнства и т. д. Рабочее движение США развивалось не в безвоздушном пространстве, к тому же в кратчайшие сроки рабочие Америки отучились видеть в своей стране некий парадиз для людей труда. Их критика касалась прежде всего либерального реформизма в той неспешной, лениво тягучей форме, в которой он предстал после атакующих порывов «Ста дней», растворившись в разговорах и дискуссиях.

Претензии рабочих были справедливы. Начать хотя бы с многочисленных недомолвок и изъянов рабочих статей Закона о восстановлении промышленности, принятого в июне 1933 г., которые были на руку предпринимателям и корпорациям, охотно использовавшим их в своих собственных интересах. Под нажимом крупного бизнеса генерал Хью Джонсон, глава Администрации восстановления, первое время вообще старался не замечать этих статей. В довершение всего Рузвельт нанес весьма ощутимый удар по правам профсоюзов, защищавших систему «закрытого цеха»,

утвердив в августе 1933 г. «кодекс автомобильной промышленности» с так называемой оговоркой о заслугах. Правительство тем самым санкционировало любые действия предпринимателей в этой отрасли, которые в вопросах найма и увольнения рабочих могли отныне поступать, как им заблагорассудится, исходя из «индивидуальных заслуг» рабочего и не считаясь с тем, состоял ли он членом тред-юниона или нет.

Для большинства тред-юнионистов яростное сопротивление капитала попыткам рабочих воспользоваться правом на организацию, декларированным пунктом 7-а, а также позиция стороннего наблюдателя, занятая Вашингтоном, были неприятным сюрпризом. Тех, кто стремился видеть в рабочих статья НИРА свидетельство особого расположения правительства к профсоюзам, могла бы насторожить брошенная президентом в 1934 г. фраза о его глубоком безразличии к тому, что предпочтут рабочие, если пожелают воспользоваться пунктом 7-а, — профсоюз или Королевское географическое общество? Небрежение, обструкционизм — такими словами характеризует подход Рузвельта к требованию рабочих предоставить им законное право на коллективную защиту от произвола предпринимателей известный американский историк Д. Броуди. Однако первое время даже публичное заявление главы Администрации восстановления генерала Джонсона, объявившего о нейтралитете правительства в конфликте между профсоюзами и монополиями, истолковывалось как самовольная выходка недружественного к профсоюзам бюрократа.

Заинтересованность рабочих в утверждении своего права на организацию в профсоюзы была столь велика, что вопиющие дефекты НИРА, колебания и уклончивость Белого дома в этом вопросе удивительным образом какое-то время оставались как бы не замеченными ими. Промышленные центры оказались охвачены волной энтузиазма. Самым популярным был лозунг: «Президент (Рузвельт) хочет, чтобы ты вступил в профсоюз!». Немногие тогда знали, что президент вовсе этого не хотел. В момент окончательного редактирования законопроекта о восстановлении промышленности в мае 1933 г. судьба рабочих статей билля могла оказаться плачевной, если бы сенатор Вагнер, сознававший решимость профсоюзов бросить на чашу весов все свое влияние, не потребовал в ультимативной форме от представителей Национальной ассоциации промышленников отказаться от обструкции и тем самым вынудил президента занять позицию нейтралитета.

Еще летом 1933 г., используя частные каналы, глава Администрации восстановления Хью Джонсон заверил предпринимателей, что НИРА не может «применяться в качестве инструмента защиты интересов профсоюзов». В марте 1934 г. уже сам президент США, выступив заодно с автомобильными магнатами, сорвал намечавшуюся всеобщую стачку рабочих автомобильной промышленности в защиту права на организацию в профсоюзы, отвергнув слабые пожелания АФТ достичь компромисса в выработке «автомобильного кодекса», буквально навязал рабочим условия, устраивающие монополии и лишь незначительно улучшившие положение «синих воротничков».

Видный американский исследователь истории рабочего движения в США в 30-е годы Сидней Файн приходит к следующему выводу: «История с принятием кодекса автомобильной промышленности, несмотря на все разговоры о партнерстве правительства, промышленников и рабочих в осуществлении НИРА, рельефно выявила тот факт, что организованное рабочее движение там, где оно не имело достаточных сил бросить вызов союзам предпринимателей, было в лучшем случае партнером с ограниченными правами. С того момента, когда был составлен набросок кодекса автомобильной промышленности и до истечения срока его действия, президент Рузвельт в ходе любого конфликта, возникающего между рабочими и администрацией предприятий, становился на сторону предпринимателей. Поступая таким образом, он раскрыл, возможно в преувеличенном виде, кое-что существенное в природе Национальной администрации восстановления и так называемого первого “нового курса”».

По большей части Рузвельт избегал брать на себя инициативу в продвижении дела социальной реформы или в осуществлении мер политического характера, расчищавших путь к прорыву в трудовом законодательстве. Выжидание и лавирование — более характерные для него тактические методы. Во многих случаях (в особенности в период после 1938 г.), натолкнувшись на сопротивление, он предпочитал отступление открытой конфронтации с оппозицией, давая сигнал к такому отступлению, казалось бы, вопреки всему, в том числе и собственной репутации президента-реформатора. Одни словесные доводы советников и политических сторонников не могли заставить президента изменить своей линии балансирования между правым и левым флангами своей партии, свойственной ему настороженности в отношении перспективных

идей в области социальных преобразований (как много в них от социализма?), гражданских прав и т. д.

Итак, победы рабочих приходили не сами собой и не по воле доброхотов из высоких правительственных сфер. Другими словами, ни один либеральный закон не обретал реальной силы без движения снизу в его поддержку. И наоборот, ослабление этого движения в результате упования на автоматизм перемен в связи с появлением «друзей» рабочих в Белом доме и конгрессе, с притуплением политической активности рабочих резко снижало шансы на успех прогрессивного законодательства, тормозило принятие назревших реформ или вообще снимало их с повестки дня. Для понимания многих сторон и особенностей рабочей политики Рузвельта исключительно важное значение имеет рассмотрение деятельности его администрации в области помощи безработным, в решении проблем занятости, использования природных и трудовых ресурсов.

Проблема безработицы была главной и наиболее острой, не терпящей отлагательства. Уже в 1930 и 1931 гг. рабочее движение с редким единодушием выступало в защиту выдвинутого его левым крылом требования организации широкой системы общественных работ для безработных. Оставаясь уклончивым в определении конкретных мер в случае прихода к власти, Рузвельт тем не менее в ходе кампании 1932 г. обещал вплотную заняться этим вопросом. Он увязывал его с задачами внедрения принципов регулирования хозяйственной жизни, рационального использования и консервации природных ресурсов, а также со строительством под эгидой государства и за государственный счет крупных объектов общественного назначения — электростанций, дорожных и водозащитных сооружений и т. д.

Первый шаг в этом направлении Рузвельт сделал в апреле 1933 г., создав Гражданский корпус консервации природных ресурсов (СКК), представлявший собой сравнительно широкую сеть трудовых лагерей для безработной молодежи. В соответствии с Законом о восстановлении национальной промышленности была создана Администрация общественных работ (ПВА) во главе с министром внутренних дел Г. Икесом. Располагая значительными финансовыми средствами, она развернула работу на сравнительно немногочисленных крупных объектах, главным образом в сфере дорожного, военного и гидроэнергетического строительства. Ни СКК, ни ПВА, конечно, не решили проблемы, но в системе

традиционных представлений американцев об экономической системе своей страны как о царстве частного предпринимательства была пробита основательная брешь.

Характерно, что в начале своего президентства Рузвельт вопреки заявленным намерениям держался заметно в стороне от активного участия в обсуждении проблемы занятости, вызывая тревожные размышления у всех, кто возлагал надежды на решительные действия новой администрации в этой сфере. Лишь в ноябре 1933 г. была создана Администрация гражданских работ (СВА), изобретение Г. Гопкинса и одно из самых популярных, хотя и недолговечных, детищ «нового курса». Цель, которая ставилась перед этой организацией, состояла в том, чтобы в преддверии голодной зимы 1933/34 г. обеспечить в кратчайший срок временной работой за счет казны до 4 млн безработных и таким образом фактически больше чем на треть сократить армию безработных за счет привлечения их к производительному труду на объектах общегосударственного значения. Вопреки ожиданиям президент и конгресс без проволочек согласились с проектом Гопкинса. Объясняя эту беспрецедентную уступчивость, Гопкинс говорил в 1937 г.: «Многие ведущие лидеры делового мира в преддверии зимы 1933/34 г. примчались в Вашингтон и слезно молили выделить дополнительные ассигнования с целью занять миллионы безработных и тем самым поддержать существование голодных людей».

Ища спасения от голодных бунтов и взрывов массового недовольства, власти положили начало поистине уникальному в условиях США социальному эксперименту: в общей сложности было введено в действие примерно 400 тыс. объектов. Вместе они составили гигантский государственный сектор экономики, приоткрытый клапан для сброса давления в паровом котле, буквально готовом взорваться. «Социализм», родившийся в мгновение ока, играл роль прокладки между низами и верхами, создавая, как казалось многим, некий прообраз функционирующей смешанной экономики. На местах СВА поощряла создание кооперативных предприятий самого различного профиля, функционирующих (и весьма успешно) на началах рабочего самоуправления. В короткий период удалось трудоустроить и обеспечить пропитанием миллионы безработных, людей самых разных профессий — от лесорубов до писателей и художников. Их заработки поначалу были не ниже тех, которые получали работающие на частных

предприятиях, что и послужило поводом для злобных наскоков представителей предпринимательских кругов на СВА. Однако было ясно, что их опасения простирались дальше показной заботы о сохранении конкурентоспособности. Одним своим существованием СВА наносила моральный урон системе частного предпринимательства, заставляя многих задумываться над вопросом о жизнеспособности последней и ее соответствии требованиям экономического прогресса. Воспользовавшись тем, что к весне 1934 г. социальное напряжение во многих местах благодаря принятым мерам и улучшению экономической конъюнктуры несколько ослабло, и, уступая давлению справа, Рузвельт поторопился положить конец этим мероприятиям, вызывающим столь противоречивую реакцию в стране.

Созданная весной 1935 г. в рамках реализации «Национального плана предоставления работы» Администрация по обеспечению работой (ВПА) была начисто уже лишена всяких признаков, уравнивающих ее с частнокапиталистическим сектором экономики. Но только такой она и могла быть. Рузвельту и Гопкинсу удалось сделать конгресс более сговорчивым путем обещания направить львиную долю ассигнований на военное строительство и установления более низкого денежного вознаграждения за труд на объектах ВПА по сравнению с частным сектором. Хотя органические дефекты программы общественных работ, осуществлявшейся под эгидой ВПА вплоть до 1943 г., были очевидны, они несли в себе и позитивное начало, дружно поддерживаемое рабочим движением страны. Не решив полностью проблему занятости, ВПА в отдельные годы предоставляла работу 3,5–4 млн людей, буквально спасая их от голода. Нельзя не отметить также, что опыт частичного огосударствления рынка наемного труда, каким бы суррогатом по отношению к реальным нуждам он ни был, подтверждал положительное значение вторжения государства в сферы, которые капитал извечно считал своей святой святых.

Профсоюзы и организованное движение безработных решительно настаивали на расширении и планомерном развитии общественных работ. Многие влиятельные представители вашингтонской администрации разделяли эту установку, полагая, что она полностью отвечает целям программы поэтапной реконструкции и модернизации капиталистической системы, ее приспособления к изменившимся условиям. Гопкинс, например, выступая в сентябре 1938 г. в Сиэтле, говорил, что он предвидит

осуществление «великой программы федеральных общественных работ» продолжительностью в 20 и более лет. Неотвратимость такой перспективы он считал делом само собой разумеющимся. «Я рассматриваю такую программу в сочетании с системой социального страхования по безработице в качестве единственной возможности обеспечения средствами существования армии хронически безработных людей», — сказал он. Г. Икес с самого начала также проводил мысль о создании постоянно действующей системы общественных работ в качестве своеобразного придатка частнокапиталистической экономики, выполняющего роль поплавка и стимулятора роста.

Рузвельт, со своей стороны, всегда со сдержанным неудовольствием относился к подобным настроениям. Но еще весной 1933 г. он вынужден был согласиться с идеей создания специального агентства, приданного Администрации общественных работ, с целью выработки рекомендаций по их планированию, территориальному размещению и рациональному использованию в интересах национальной экономики. Так возникло Управление планирования национальных ресурсов (УПНР), которое во многом на свой страх и риск занялось изучением вопросов перспективного экономического планирования главным образом в области занятости и природопользования.

Одно время казалось, что УПНР, после 1939 г. перешедшее непосредственно в подчинение президента и ставшее органической частью управленческого аппарата Белого дома, со временем может сыграть важную роль в формулировании экономической политики, предотвращении разбалансирования хозяйственных связей и определении национальных приоритетов. Однако проекты его основателей натолкнулись на ожесточенное сопротивление влиятельных кругов и лоббистов, восставших против покушения на их привилегии в определении экономической стратегии и заставивших президента положить конец «радикальной экспансии» сторонников внедрения планового начала в деятельность хозяйственного механизма, регулирования социального развития и усиления федерального контроля за использованием природных ресурсов.

Была только одна область внутренней политики, в которой Франклин Д. Рузвельт охотно выступал с опережающей политической инициативой. Имеется в виду охрана и консервация природных богатств. В этой области его личные представления

о «сбалансированной цивилизации» и научно обоснованном природопользовании перекликались с концепциями сторонников усиления регулирующей роли государства в экономике в целях ограничения разрушительных последствий частнокапиталистической конкуренции. Природные ресурсы страны, рациональное использование которых под государственным контролем является важнейшим условием экономического благополучия нации, должны были стать, по его мнению, сферой приложения правительственных усилий крупных масштабов. Во имя благополучия будущих поколений американцев Рузвельт предлагал активизировать действия в пользу приобретения государством заброшенных земель, лесных участков, находившихся в частных руках, и т. д. Рабочее движение показало себя кровно заинтересованным в этом широком эксперименте.

Окружив себя значительным числом весьма энергичных сторонников реформ в области трудового законодательства, Рузвельт уравновесил их политическое влияние сохранением прочных связей с представителями консервативных кругов — лидерами финансово-промышленного капитала (Б. Барух, Дж. Кеннеди и др.), политиками-южанам, местными политическими боссами и т. д. Он охлаждал преобразовательный пыл первых процедурой длительного просеивания идей и проектов сквозь сито «согласительных» комиссий, искусной игрой на противопоставлении мнений, упреждающими мерами, частично снижающими остроту проблем, но не более того. Даже у самых больших почитателей «нового курса» рождались опасения, что политика лавирования и полумер не имеет будущего. Об этом не принято было говорить открыто, но предчувствие недостаточности и ненадежности всех усилий вернуть стране процветание часто беспокоило многих ближайших помощников президента, отлично сознававших, что Рузвельт избрал метод поэтапного продвижения вперед, с переходами к чисто позиционной борьбе и даже отходом назад. «Конечно, я хорошо знаю, — писал в 1940 г. Гарольд Икес в частном письме, — что “новый курс” так же несовершенен, как и любая другая политическая программа. Если говорить о том, что мы имеем на сегодня, то она, вне всякого сомнения, обладает крупными недостатками как в отношении целей, так и способов осуществления. Однако время исправит ее дефекты, если, разумеется, у нас будет достаточно времени... Я начинаю опасаться, что как раз времени-то у нас

может и не хватить для того, чтобы привести в приличный вид наш дом...»

На собственном горьком опыте трудовая Америка познавала политическую механику либеральной эры. Страна была буквально залита потоками официального оптимизма. Однако экономическое положение и социальный статус больших масс трудящегося населения (женщин, афроамериканцев, мелких фермеров, городских средних слоев и т. д.), если и изменились к лучшему, то лишь в ограниченных пределах. Многие важные требования трудящихся не были удовлетворены. Так, например, после двух лет пребывания администрации Рузвельта у власти дело с подготовкой законопроекта о социальном обеспечении по безработице и старости почти не сдвинулось с места. Было бы ошибочно искать этому объяснение в опасениях Рузвельта натолкнуться на труднопроходимое препятствие в лице оппозиции в конгрессе. Правительство по собственной инициативе тормозило реформу социального обеспечения. В ходе знаменитых «первых ста дней» (1933 г.) оно не сочло возможным поставить ее на обсуждение конгресса. В дальнейшем Рузвельт доказал, что он не торопится с разработкой законодательства о социальном страховании и готов сколько угодно искать компромиссное решение. Послания, которые в январе 1935 г. президент направил в конгресс, были отмечены умеренностью, хотя в них и говорилось о необходимости значительных ассигнований на расширение общественных работ и содержалась рекомендация принять закон о социальном страховании. Характерно, что, выступив наконец с этими давно ожидаемыми предложениями, правительство оказалось в ссоре... с прогрессистским блоком в конгрессе, который справедливо нашел их неудовлетворительными. Конфликт разрастался, тем более что созданная президентом комиссия во главе с Ф. Перкинсом предлагала главное бремя забот по осуществлению этих мер возложить на штаты, сделав участие федеральных властей чисто символическим. Прогрессисты справедливо увидели в этом уступку консерваторам за счет интересов трудящихся. Вялое течение слушаний в конгрессе проходило на фоне почти полного замирения правительственной активности. Неожиданное одобрение Комитетом по труду палаты представителей подготовленного Коммунистической партией США и внесенного конгрессменом Ландином билля о социальном страховании заставило правительство поторопиться и выступить с собственным законопроектом,

которому была обеспечена поддержка обеих палат конгресса, но который отличался от билля Ландина в худшую сторону.

Настораживающим молчанием окружил президент и повторное прохождение весной 1935 г. через обе палаты конгресса знаменитого законопроекта Вагнера о трудовых отношениях, хотя ему было обеспечено подавляющее большинство голосов членов сената и палаты представителей. Ф. Перкинс писала, что билль Вагнера никогда не рассматривался Рузвельтом в качестве составной части его собственной программы. Более того, администрация (и сама Перкинс в том числе) делала все, чтобы торпедировать билль. Искренний радетель интересов людей труда сенатор Вагнер был так обескуражен этим холодным приемом, что выхолостил собственный билль, отказавшись распространить его положения на сельскохозяйственных рабочих. Оправдываясь, он писал в апреле 1935 г., что реальная угроза полного провала билля сделала его податливым любому нажиму. Он ничуть не преувеличивал: опасность преследовала билль буквально по пятам. Накануне решающего голосования в сенате, 15 мая 1935 г. на пресс-конференции Рузвельт заявил, что он никак не определил своего отношения к биллю Вагнера. Это означало, что можно было опасаться самого худшего — вето президента.

И вдруг резкий поворот от созерцательности и проволочек к демонстрации приверженности «подлинному» (как писал советник президента Тагвелл) прогрессивизму, к активной поддержке самого радикального в истории американского государства социального законодательства, включая билли о социальном страховании, о трудовых отношениях, налогообложении крупных состояний и т. д. Существенно меняется и сама риторика президента. Обличения беспредельной алчности имущих классов и хищничества монополистов в духе популизма Брайана и Лафолетта-старшего сопровождаются признанием приоритета интересов неимущих слоев в государственной политике «национальной реконструкции». Летопись американского президентства, пожалуй, не знала такого крутого зигзага.

Еще в своем ежегодном послании конгрессу в январе 1935 г. Рузвельт заявил, что он не хочет вносить изменения в существующую налоговую систему. 7 июня он сказал репортерам на пресс-конференции, что проблема налогов его не занимает. Но уже 19 июня в послании конгрессу президент предложил ввести прогрессивный налог на крупные состояния и прибыли

корпораций. Оппозиция кричала о «трюках» президента, перехватывающего голоса у левых и правых экстремистов и демагогов типа Х. Лонга. Однако Белый дом, хотя и в сильно урезанном виде, добился от конгресса одобрения законопроекта. 5 июля 1935 г. Рузвельт поставил свою подпись под законом Р. Вагнера о трудовых отношениях, подтвердившим и усилившим права рабочих на организацию в профсоюз и коллективный договор, зафиксированные в статье 7-а НИРА. 14 августа 1935 г. Ф. Рузвельт подписал Закон о социальном страховании.

Итак, внезапно, в течение жарких летних месяцев 1935 г., после длительной раскочки и выжидания правительство Рузвельта вновь обрело вкус к социальной реформе. Многие буржуазные историки теряются в догадках, размышляя по поводу происшедшей метаморфозы. Лейккенберг, например, писал, что Рузвельт сделал это «по причинам не вполне понятным», а конгресс, в свою очередь проголосовав за поддержанные правительством билли, также раз и навсегда «поверг всех в недоумение». Разумеется, разгадку следует искать не только в чисто предвыборных соображениях. В эволюции «нового курса» ярко проступает стремление Рузвельта решить главную стратегическую задачу прогрессивного либерализма в условиях острейшего кризиса капиталистической системы — подчинить себе массы и удерживать их под контролем подновленной двухпартийной системы.

Оценивая обстановку жаркого лета 1935 г., министр внутренних дел Г. Икес высказал убеждение, что «страна настроена куда более радикально, чем правительство в целом и каждый из нас в отдельности». На новую ступень поднялось движение безработных после того, как наметилось, а затем было осуществлено под руководством левых объединение всех его организаций. Нарастала волна всеобщих забастовок в основных отраслях промышленности. Стихийно, снизу ширилось движение за организацию профсоюзов. В большинстве случаев его возглавляли по-боевому настроенные рабочие лидеры, не связанные с АФТ.

Накопление взрывчатого материала на почве разочарования в «политике улыбок» шло медленно, но неуклонно и в промышленной «глубинке». Архив Лорены Хиккок — прекрасное и авторитетное свидетельство вызревания новых настроений, последовательного «самовозгорания» бунтарского духа в рабочей среде, отвергавшей полумеры, ищущей опоры в сплочении, орга-

низации и новых конструктивных идеях социального прогресса, выходящих за рамки традиционного либерализма.

Изучив обстановку в промышленном Огайо осенью 1935 г., Хиккок пришла к выводу, что «медовый месяц» в отношениях между рабочими и администрацией в Вашингтоне подходит к концу. О Рузвельте стали говорить как о всего лишь «еще одном президенте», при котором «большой бизнес» по-прежнему вершит всеми делами. Все реже сотрудница информационной службы Гопкинса сталкивалась с упованиями на благоволение просвещенного правления и все чаще — с убеждением в необходимости взять контроль за осуществлением нового законодательства в свои руки, так сказать, явочным путем добиваться не только претворения его в жизнь, но и совершенствования в интересах трудящихся. Однако рабочее движение, где бы то ни было, не было единым и монолитным. Политическое влияние классово сознательного авангарда ослаблялось приливом мелкобуржуазной стихии в лице широких движений социального протеста, неоднозначных по своему характеру, преследующих часто различные, порой прямо противоположные цели. Это вносило серьезную путаницу в обстановку, в ряде случаев вело к оживлению настроений, используемых правой оппозицией для ведения антирабочей и антилиберальной пропаганды, для игры на страхе, предрассудках и предубеждениях. Самое слабое звено в коалиции «нового курса» — пестрые мелкобуржуазные массы Юга, Дальнего и Среднего Запада, часть городских средних слоев (в особенности находящихся под влиянием католической церкви) были подвержены наибольшему колебаниям. Во многих случаях эти колебания сказывались и на настроении в рабочей среде.

Учитывая рассогласованность в действиях оппозиции слева, а также испытывая давление со стороны монополий, Рузвельт тормозил осуществление многих реформ, но предусмотрительно не связывал себя никакими жесткими обязательствами ни перед теми, ни перед другими. Однако время от времени он прибегал к риторике «современного либерализма». В послании к конгрессу 4 января 1935 г. он говорил: «Социальная справедливость, уже не являясь отдаленным идеалом, стала нашей ясной целью». Как эта декларация о намерениях совмещалась с обещанием «другой», имущей Америке, что эра либеральных реформ не будет длиться бесконечно. И уже осенью 1935 г., к огорчению рабочих, правительство объявило, что наступила «передышка». 1936 год,

год президентских выборов, подтвердил, что перемирие с капиталом лидер Демократической партии хотел бы превратить в прочный мир ценой приглушения социального аспекта деятельности администрации. Свою стратегию на 1935 г. он так определил в разговоре с журналистом, рассчитывая, что тот не будет болтлив: «Спаси нашу систему, капиталистическую систему от сумасшедших идей», твердо держаться курса, не сваливаясь ни влево, ни вправо. Подстраиваясь под антимонополизм масс, Рузвельт по-прежнему от случая к случаю обрушивал потоки гневных слов на «экономических роялистов», «обворовывающих других людей». Но ничего конкретного и особо обнадеживающего в отношении улучшения, усиления и углубления социального законодательства сказано не было. И еще меньше сделано.

Президент оставался глухим к призывам поддержать кампанию в пользу принятия законопроекта Вагнера о государственном жилищном строительстве, в котором были заинтересованы неимущие слои перенаселенных промышленных центров. Распространение трущоб в городах достигло размеров национального бедствия, однако Белый дом оповестил общественность, что не считает рекомендации сторонников государственного жилищного строительства для неимущих семей относящимися к числу «обязательных» мер. Рузвельт отказался поддержать антирасистский билль Вагнера — Ван Найса — Гавэгана, объявляющий суд Линча уголовным преступлением, относящимся к юрисдикции федеральных судебных властей. Блок южных демократов, пишет американский исследователь Хатчмейкер, действовал так эффективно, что Рузвельт не нашел в себе силы даже пошевелить пальцем в защиту жертв антинегритянского террора. Отрицательное отношение президента к идее создания государственной системы здравоохранения способствовало провалу кампании за ее осуществление, хотя, как признавали ее противники, огромные массы населения (особенно в рабочих кварталах) были на стороне этой идеи.

Платформа Демократической партии накануне выборов 1936 г. производила впечатление документа, сделанного по меркам консервативной оппозиции или, в лучшем случае, как писал Ф. Франкфуртер, составленного с таким расчетом, чтобы «удовлетворить каждого, никого не обидеть». «Проект платформы, — писал он Рузвельту, — не содержит в себе ничего вдохновляющего, никакой общей концепции, никакого призыва

к борьбе, ничего такого, что ободряло бы, что запоминалось бы. По содержанию он едва ли отличается от того, что предлагают республиканцы, а по тону составлен в еще более скучных выражениях». Франкфуртер полагал, что программа должна была бы отразить намерение демократов развивать и дальше дело социальной реформы. Однако Рузвельт не изменил ни слова в этом документе, выработанном специальным комитетом. Примечательно, что во главе его был поставлен сенатор Вагнер, который должен был символизировать готовность со стороны демократов следовать и дальше по пути реформ, хотя сам сенатор не скрывал пессимизма в отношении достигнутого и достижимого.

Между тем потребность в глубоких переменах не только не отпала, но все острее осознавалась широкими массами трудящихся. Это относится, прежде всего, к тем отрядам рабочего движения, которые всем ходом событий выдвигались на авансцену политической жизни. Речь идет о качественно новом уровне понимания существующего и углубляющегося классового размежевания в обществе и своих собственных классовых интересов. Достигнутая более высокая ступень классового самосознания рабочих (прежде всего в основных отраслях промышленности), как справедливо отметил американский историк Дэвид Монтгомери, проявилась тогда в расширении борьбы за осуществление демократического контроля деятельности отдельных частных предприятий и, добавим, в повышении идеологической зрелости организованного рабочего движения в целом, в усилении тяги к независимому политическому действию, в поиске путей выхода из кризиса на основе выработки альтернативных социально-экономических программ, создания и расширения национализированного сектора экономики, в общей перестройке хозяйственного механизма путем усиления регулирующей роли государства и т. д.

Даже многие ведущие лидеры АФТ пришли в конце концов к убеждению, что крах 1929 г. был вызван не случайными обстоятельствами, а явился неизбежным следствием «фатальных дефектов» экономики страны, среди которых в числе первых называлось отсутствие контроля общества над производством и распределением, развитием финансово-кредитной системы и т. д. Разумеется, среди гомперсистов об этом не принято было говорить вслух, но о необходимости создания и планирования со стороны государства постоянно действующей системы общест-

венных работ Исполком АФТ заявил открыто в своем обращении к двум ведущим партиям.

Горячую заинтересованность в последовательном осуществлении все более глубоких социальных преобразований и активизации правительства в данном вопросе проявили профсоюзы КПП. Своей ближайшей целью они декларировали проведение через конгресс закона о минимуме заработной платы, гарантиях прав профсоюзов и расширении участия рабочего движения в определении правительственной политики. Но весь дух и вся практика «нового тред-юнионизма» свидетельствовали, что его социальные идеалы не ограничиваются борьбой за удовлетворение набора чисто экономических требований. Об этом в воспоминаниях Лен де Кокса (одного из руководителей КПП) сказано следующими словами: Конгресс производственных профсоюзов «представлял собой устремленное к значительным целям воинственное движение, поставившее перед собой задачу добиться вовлечения трудящихся США в профсоюзы во имя улучшения их жизненных условий и вместе с тем не ставившее препятствий выражению их далеко идущим чаяниям, что вполне естественно для хорошо организованного боевого и ведомого умными лидерами пролетарского движения, если оно нацелено на эвентуальную трансформацию общества».

На своей первой национальной конференции, состоявшейся в Атлантик-Сити (октябрь 1937 г.), КПП выработал законодательную программу, которая вобрала в себя наиболее существенные требования, разделяемые основной массой членов американского профдвижения. Бросается в глаза, что упор в ней был сделан на «фундаментальное требование» закрепления в законодательном порядке права на работу. С этой целью предлагалось обязать всех частных предпринимателей строжайшим образом соблюдать права рабочих, предоставленные законодательством «нового курса». Выдвигалось требование введения федерального законодательства, регулирующего продолжительность рабочего времени и минимальные ставки заработной платы в промышленности. Именно от этой меры ожидали многого, и прежде всего роста занятости. Предлагалось также принять поправки к законодательству о социальном страховании, сделав его максимально отвечающим сложившимся условиям, демократичным, охватывающим все категории трудящихся без каких-либо изъятий.

Проблема занятости и обеспечения миллионов обездоленных людей необходимым минимумом жизненных благ оставалась

на переднем плане национальной политики. Несмотря на все усилия, безработица не перестала быть главной народной бедой. На заседании Чрезвычайного экономического совета в присутствии Ф. Рузвельта в конце декабря 1935 г. представители министерства труда приводили цифру существования в стране в 12 млн безработных, что лишь на 2 млн было ниже уровня 1933 г. А тем временем индекс промышленной продукции достиг 90 пунктов от уровня 1929 г. После того как уже в 1936 г. обозначился новый спад в экономике, ход событий сделал данную проблему самым больным местом в системе отношений между правительством и организованным рабочим движением. Рабочий альянс — организация движения безработных — все настойчивее критиковал правительство за самоустранение от поисков оптимальных решений проблемы занятости. Профсоюзы поддержали эту критику. Гопкинс и некоторые лидеры Демократической партии признавали справедливость протеста, выраженного организованным движением безработных, а вместе с тем и его влияние на политическую обстановку в стране.

Пугающая динамика в сфере занятости, разочарование в полумерах «нового курса» сделали реакцию рабочих социально направленной. Ряд выступлений лидера КПП Джона Льюиса прозвучал грозным предупреждением капиталу и властям, пытавшимся обещаниями и мерами административно-полицейского воздействия сбить порыв масс. «Время — категория реальная, — говорил он на съезде профсоюза дамских портных в мае 1937 г. — Теперь всем хорошо известно, что великие проблемы, вставшие перед рабочими США, остаются нерешенными... Уже сейчас некоторые наши экономисты предсказывают следующий экономический спад. Друзья мои, неужели все, что могут предложить нам наши лучшие политические деятели, — это обещания нового бедствия? Если это так, если все, что нам могут предложить наши промышленники, финансисты и политики, — это продолжение депрессии, человеческих страданий, если все это правда, то не пришло ли время для рабочего движения организоваться и что-то предпринять в связи с этим?» В этих речах Льюис ни разу не упомянул имени Рузвельта, «друга рабочих».

Рабочее движение было поставлено перед дилеммой: или следовать и дальше безропотно в русле «прогрессивного либерализма», или, не порывая с ним полностью, сделать решительные шаги к политической самостоятельности, встав под знамена борьбы

за перемены структурного порядка. Мысль о противоречии между либерализмом и рабочей демократией, неадекватности правительственных мер, о необходимости создания вокруг КПП широкого политического движения трудового народа присутствует во многих документах «нового тред-юнионизма», дошедших до нас. Поддержка профсоюзами рабоче-фермерских партий на местах также говорит о многом.

Не переоценивая масштабов радикализации рабочего движения, нельзя в то же время не признать, что достигнутый им в считанные годы уровень развития выглядел разительным контрастом в сравнении с недавним прошлым, когда о нем было принято говорить как о ничтожно малой величине в балансе социальных сил, неспособной постоять за себя. Вот почему требование решительного пересмотра того положения, при котором рабочий класс и рабочее движение оставались не представленными на всех уровнях государственной власти, звучащее в устах многих видных руководителей профдвижения 30-х годов, а также в документах профсоюзов, уже воспринималось либералами в обеих ведущих партиях как реальный вызов существующей политической системе, как сигнал к наступлению на ее устои.

Рузвельт придавал серьезное значение этим несовместимым с устойчивостью двухпартийной системы требованиям и принимал меры к устранению потенциальной угрозы ее развала. С политической точки зрения вопрос для него решался просто: следуя традициям вильсонизма, он ориентировал лидеров демократов на поглощение местных рабоче-фермерских партий, «приручение» их под эгидой широкого «исторического блока», присягнувшего на верность администрации «нового курса». Эту тактику Рузвельт считал вполне оправданной, особенно после успеха республиканцев на промежуточных выборах 1938 г., вызвавшего обострение внутренних конфликтов в его собственной партии.

Но в идеологическом плане ньюдилеры оказались поставленными лицом к лицу с рядом сложнейших, порой неразрешимых проблем, ибо сближение с социал-реформистскими партиями типа рабоче-фермерской партии Миннесоты или Американской рабочей партии штата Нью-Йорк, профсоюзами, движением безработных, укрепление социальной базы коалиции «нового курса» за счет притока демократических низов (рабочих, афроамериканцев, женщин, молодежи и т. д.) не могли пройти

бесследно, не вызвав определенных изменений в социальной доктрине Демократической партии. Появление в дальнейшем доктрины «народного» капитализма тесно связано с этим фактом.

Размах массовой борьбы трудящихся в конце 30-х годов и успехи движения народных фронтов во многих странах Европы и Америки заставили Рузвельта и его сторонников в конгрессе вновь поднять вопрос о войне с бедностью и под этим флагом возобновить кампанию поддержки ряда прогрессивных законопроектов. Натянутость отношений между организованным рабочим движением и администрацией в 1937 г. уменьшилась.

Стремясь не упустить шанс и прочнее привязать рабочее движение к новому либерализму, Рузвельт снова прибегает к методам патронажа и разного рода реорганизациям. Правительство заняло довольно резкую антитрестовскую позицию, были приняты программа расширения общественных работ и ряд мер помощи «оказавшимся в критической ситуации» семьям рабочих в индустриальных центрах. 1 сентября 1937 г. Рузвельт подписал закон Вагнера — Стигалла о создании Администрации экономического строительства, призванной обеспечить содействие государства в строительстве жилья для малоимущих семей. Ее финансовые возможности были ограничены, но принципиальное значение этой меры нельзя недооценивать. Согласие Рузвельта поддержать законопроект о справедливом найме рабочей силы стало еще одной вехой в процессе «реабилитации» рабочей политики правительства.

Движение рабочих в защиту билля о минимуме заработной платы и максимуме продолжительности рабочего времени, как уже упоминалось, было связано с попытками найти средство смягчения негативных сторон рыночной экономики, порождающей хроническую массовую безработицу. Демократы в избирательной платформе 1936 г. не обошли вниманием этот вопрос. На первых порах администрация играла довольно активную роль в разработке законопроекта, включавшего также статьи о запрещении детского труда и различных видов антипрофсоюзной практики предпринимателей. Но затем, когда Национальная ассоциация промышленников и большинство южных предпринимателей, широко использовавших дешевый труд неквалифицированных негритянских рабочих в конкурентной борьбе с северными промышленниками, высказали отрицательное отношение к биллю, правительство предоставило событиям развиваться своим чере-

дом. Это ослабило позиции его сторонников в конгрессе. В конце 1937 г., казалось, уже не было никаких надежд на то, что очередная сессия конгресса вообще будет рассматривать этот билль.

Есть основания утверждать, что политические итоги 1938 г., включая неудачи с проведением правительственной реорганизации, послужили Рузвельту толчком к новым размышлениям по вопросам социальной стратегии. Линия размежевания между прогрессистами и консерваторами в Демократической партии в это время в силу неодинаковой оценки событий внутри и вне США приобрела более отчетливые контуры, причем раскол партии и выход из нее левого крыла в случае победы консерваторов на предстоящем съезде партии в 1940 г. представлялись всем делом весьма вероятным. Информация с мест, стекавшаяся в Белый дом, свидетельствовала о глубине разногласий и о складывании предпосылок создания массовой третьей партии на базе профсоюзов и движения безработных. Резкий маневр Рузвельта в сторону отмежевания от консерваторов и возобновления «проработки» законопроекта о справедливом найме рабочей силы следует поставить в связь с этой ситуацией. Приняв решение, Рузвельт действовал весьма энергично и изобретательно. Не вняв угрозам справа, президент буквально заставил конгресс проголосовать за билль Блэка — Коннери.

Принято считать, что это событие символизировало конец «нового курса». Едва ли с этим можно согласиться без оговорок. Верно, что в 1939 г. главным образом в силу резко осложнившейся международной обстановки Белый дом начинает тайно налаживать отношения с консервативной оппозицией. Нарастание военной опасности в Европе и желание видеть Демократическую партию единой заставили Рузвельта отказаться от линии на конфронтацию с правой оппозицией и даже признать ее ошибочной. Но от одного субъективного желания президента не зависело, быть или не быть продолжению эры реформ. Да это никогда и не было в его правилах. Движущей силой развития либерализации начиная с 1933 г. были и оставались народные низы, прежде всего рабочий класс, чья инициативная, а порой и самостоятельная роль в событиях обеспечила многие демократические перемены. Об этом свидетельствовало увеличение удельного веса новых сил в местных легислатурах, избрание и назначение прогрессивно и даже радикально настроенных деятелей на важные общественные посты и т. д. И хотя такого рода перемены далеко

не всегда соответствовали планам рузвельтовских либералов и самого президента, они вынуждены были с ними считаться и даже использовать в собственных политических интересах как средство давления на консервативную оппозицию.

Нельзя не признать вместе с тем, что накануне войны положение в рабочем движении оставалось крайне сложным и противоречивым. Шла острая борьба двух тенденций — левоцентристской и умеренно-консервативной, если упомянуть только главные. Правая оппозиция мобилизовала дополнительные силы и средства для обработки общественного мнения страны в духе «естественной гармонии интересов» осуждения бунтарства «нового тред-юнионизма». Это обстоятельство вносило еще больший раскол в «рабочем доме». И все же было неясно, какая из двух тенденций возьмет верх. Вот почему и после 1939 г., стремясь сохранить широкую социальную базу, на которую опиралась его администрация, удержать свой авторитет в рабочем движении в целом, Рузвельт предпочитал не отходить от формулы «прогрессивного либерализма», хотя никто из ньюдилеров, включая самого президента, ни тогда, ни позже не мог (или не хотел) объяснить, что конкретно подразумевается под этим понятием.

Всю подготовку к съезду Демократической партии в 1940 г. ньюдилеры провели под девизом удержания важнейших рычагов власти в своих руках, а успех на президентских выборах осенью того же года они рассматривали как важнейший аргумент в пользу сохранения коалиции «нового курса». Гопкинс в ряде писем говорил об итогах выборов как о победе демократии, «народа», а Франкфуртер утверждал, что Рузвельт, в третий раз став хозяином Овального кабинета, был преисполнен мессианского духа. Нельзя не увидеть в этом новом смещении Рузвельта и рузвельтовских либералов от центра еще чуть-чуть влево, так же как и в факте наполнения всей политической атмосферы в стране духом протеста против концентрированного богатства, крупного бизнеса, его философии успеха и всей системы приоритетов обретения рабочим движением веры в себя и новых ценностных ориентиров. Современный американский исследователь выразил суть происходящего в данной важнейшей сфере социальной жизни в следующей лаконичной формуле: «В конце 30-х годов культура американских рабочих, похоже, представляла собой вероятностную альтернативу образу жизни, присущему либеральному капитализму».

Совершенно законным выглядел вопрос, которым задавались многие в ту пору в Америке: каким путем пойдет и дальше рабочее движение, и другой, с ним связанный, — какая судьба ожидает либеральную традицию? Дилемма, стоящая и перед тем и другим, конечно же, имела одинаковые корни — происходившие глубокие сдвиги в экономике и политике, внутренней и мировой. И именно поэтому верх наивности — считать (как это делает, например, Л. Харц) чисто пропагандистской уловкой поборников «нового курса» (и в рабочем движении, и в политических структурах) обращение к воинствующей антикапиталистической фразеологии с тем, чтобы скрыть их абсолютно стерильный, недоктринерский, отличный от европейского менталитет. Идеологические проблемы действительно в конечном итоге переросли в технические, нравственно-этические. Однако все могло выглядеть в совершенно ином свете, если бы «рузвельтовская рецессия» 1938 года не была прервана начавшейся в Европе Второй мировой войной.

<...>

<...> Рузвельт был одним из тех немногих политиков, кто шел ощупью к постижению драматически проявивших себя тенденций в условиях возникшей напряженности, сложившейся в межсоюзнических отношениях в финальной фазе войны, быстрого размывания привычных стереотипов и появления различных проектов социально-экономического бескризисного развития человеческого сообщества. Понимание реальности безвозвратно ушедшей эпохи элитарной, классово-сословной политики проявилось в его джефферсономизме, в особой чувствительности к миру «простого человека», миру «одиноким толпы». Панорама нового мира в его техногенном измерении также занимала существенное место в его «основополагающих предположениях» о будущем. Он не скрывал, что видит решение вопроса в интернационализации «нового курса».

То, что внес Франклин Рузвельт как государственный деятель и дипломат в летопись американской истории (имея в виду ее практический и идеологический аспекты), обеспечило ему особое место рядом с Вашингтоном, Джефферсоном и Линкольном. О роли же Рузвельта в восстановлении позитивной традиции в русско-американских отношениях было сказано Гарри Гопкинсом сразу же после капитуляции Германии. «Рузвельт... — говорил он на встрече с советскими руководителями в Москве 26 мая 1945 г., — не упускал из виду того факта, что экономические

и географические интересы Советского Союза и Соединенных Штатов не сталкиваются. Казалось, что обе страны прочно стали на путь, и он, Гопкинс, уверен, что Рузвельт был в этом убежден, который ведет к разрешению многих трудных и сложных проблем, касающихся наших обеих стран и остального мира. Шла ли речь о том, как поступить с Германией или с Японией, или о конкретных интересах обеих стран на Дальнем Востоке, или о международной организации безопасности, или, и это не в последнюю очередь, о длительных взаимоотношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом — Рузвельт был убежден, что все эти вопросы могут быть разрешены и что в этом его поддержит американский народ». Гопкинс, разумеется, тогда не мог говорить об этом вслух, но, по-видимому, в «эти вопросы» входила и атомная проблема.

Вместо заключения

«Не великий человек, но без сомнения великий президент»

Читая новости из США, можно подумать, что Франклин Рузвельт и его «новый курс» переживают вторую реинкарнацию. В очередной раз сказалась закономерность, называемая иронией истории. Наследие эпохи «штормовых» предвоенных 30-х годов XX века с ее героями и антигероями, экономическим коллапсом на Западе и советскими пятилетками вошло в историческую память многих поколений американцев как эпоха Великой депрессии и сегодня внезапно стало частью повседневности, предметом всегдашних тревог и раздумий.

Начавшийся в 2008 г. мировой кризис стал общим бедствием для развитых и развивающихся стран, но сильнее всего он ударил по Соединенным Штатам. Искусственно раздутый материальный рай обернулся для американцев стихийно возникшей проблемой «токсичных» активов, непоплаченных долгов, покинутыми домами, безуспешными поисками работы, распродажей по бросовым ценам семейных бизнесов, потерей накоплений в банках и страховых компаниях и т. д. То, что еще в 90-х годах XX в. сохранялось в памяти ушедших поколений, в статистике, в фольклоре, вернулось в жизнь. Безумная алчность и эгоизм «банкиллеров» привели к надуванию мыльных пузырей иллюзорного процветания, в ловушку которого, не желая того, попались миллионы американцев, обманутых рекламой деривативов

и «высокодоходных» финансовых пирамид. В очередной раз Америка, казалось, свыкшаяся с идеей консенсуса и поверившая было в «конец идеологий», оказалась расколотой злобой, разделенной на бедняков, людей с доходами ниже среднего достатка и «очень-очень» богатых.

Самым болезненным и абсурдным для пропагандистов «американизма» финансовых топ-менеджеров, экономических гуру, восславляющих «общество потребления», самовлюбленных политиков и, разумеется, среднего класса Америки оказалось признание неуправляемости самой большой экономикой в мире. Капитаны могучего экономического «Титаника» сами должны признать, что не могут быть успешными навигаторами. Эти последние, писала газета «Нью-Йорк таймс» в апреле 2010 г., только пытались «вникнуть в неоконченную историю, как американская экономика на полной скорости столкнулась с айсбергом». Ошеломляющим для большинства было открытие, продолжала газета, что «мы (т. е. американцы. — В. М.) живем в культуре, где умение считать и ответственность являются забытыми ценностями». Едва ли можно найти что-либо более подходящее для подтверждения этого суждения, нежели чистосердечное признание бывшего председателя и топ-менеджера могущественной «Сити-группы» Чарльза Принса на заседании сенатской расследовательской комиссии финансового кризиса 8 апреля 2010 г., сказавшего буквально следующее: «Я выражаю глубочайшее сожаление, что финансовый кризис имел такое разрушительное воздействие на нашу страну. Я испытываю сочувствие миллионам наших людей, простым американцам, которые потеряли свои дома. И я сожалею, что наша команда менеджеров, начиная с меня, так же как и многие другие, не смогла увидеть беспрецедентный крах рынка, который ждал нас».

Никто уже, ни бедные, ни богатые не задавались вопросом, почему государство в пожарном порядке вновь бросилось спасать банки от краха, а те, в свою очередь, безропотно соглашались на любые условия правительства в обмен на протянутую руку помощи государства и финансовые вливания за счет налогоплательщиков с целью уберечь финансовые учреждения от полного банкротства. Так было в дни банковской паники в марте 1933 г., сразу же после инаугурации Франклина Делано Рузвельта, то же случилось после возвращения демократов к власти зимой 2009 г. и весной 2010 г. История, таким образом, не просто повторилась,

она напомнила, что невыученный урок чреват самыми печальными последствиями. Сразу обнаружилось, что именно отмена ограничений «нового курса» на финансовую деятельность банковских учреждений, их дерегулирование неолибералом Клинтонем в 1999 г. и республиканским конгрессом «помогло, — как писал ведущий печатный орган США, — воссоздать предпосылки той самой паники, которая возникла и существовала до и после 1930 года».

Острейшая общественная полемика, отражавшая сословно-классовую войну, как это было и в 30-х годах XX в., вновь перешла в плоскость жесткого противостояния двух парадигм. Одной, базирующейся на философии успешного «человека-одиночки», полуфеодальном типе трудовых отношений и на предоставлении полной свободы рук финансовой олигархии, подчинившей себе государственную машину. И другой, возникшей после банковской паники 30-х годов и прихода к власти администрации Рузвельта, вернувшей стране чувство ответственности, в спешном порядке перетряхнувшей и благодаря этому сохранившей всю кредитную систему страны, оказавшуюся в состоянии хаоса. Ее следствием стало внедрение новой регулируемой модели финансового и индустриального развития, в которой важная роль принадлежала государству, принявшему на себя функции главного регулятора. Новое законодательство ньюдилеров (и прежде всего закон Гласса — Стигала 1933 г.), как писал недавно авторитетный журнал «Нью-Йорк таймс магазин», открывало «спокойный» период функционирования банковской системы, делая ее «вполне стабильной и разумно прибыльной». Отстранение государства от денежной аристократии, внедрение новых форм и видов правительственной помощи бизнесу, новых этических и организационных начал в хозяйственную деятельность, в систему отношений работник — работодатель создали весьма благоприятные предпосылки для динамичного развития конкурентной среды в хозяйственной деятельности и для статусного положения трудящихся классов. Была снята возможность общенационального социального взрыва.

В совокупности наметилось начало выхода из небывалого по степени разрушительности экономического кризиса 1929–1933 годов, а вместе с ним из кризиса власти, утраты доверия к ней и постепенному преодолению охватившего страну отчаяния в новой надежде на избавление от «черных четвергов» и обрете-

нии доверия к идее социально ответственного демократического государства (welfare state), подорвавшего господство крайнего индивидуализма как общественной философии. Может быть, сегодня это кому-то трудно себе представить, но речь шла, как пишет современный американский автор, о «восстановлении нации».

Называют множество причин и факторов, способствовавших этому преображению Америки в 1933–1939 гг. и выходу ее из экономического коллапса, удвоенного Второй мировой войной и мобилизационным порывом, связанным с ней. В появлении поверившего в себя «нового индустриального общества», как это принято говорить, важнейшую роль сыграли витальные силы нации, способные, как оказалось, выдержать удары судьбы, гнет неудач, добиться перелома и взять новые рубежи. Но им пришлось бы заплатить значительно более дорогую цену (а может быть, и пережить полномасштабную национальную катастрофу) за рывок в модернизационном развитии и к материальному достатку, если бы выбор лидера носил преимущественно случайный, неосмысленный, эмоциональный характер и не базировался на достаточно развитой политической культуре нации, продуманной системе отбора и на признании значения интеллекта и волевых качеств, соразмерных характеру сложнейших задач, стоящих перед страной.

В самый трудный для нее момент симпатии американской нации оказались на стороне политика, в котором она угадала сплав практицизма и идеализма. Именно этим и объясняется, что в центре предлагаемой вниманию читателя книги оказалась фигура Франклина Делано Рузвельта, чью роль в национальной Реформации США, начало которой было положено бескровной революцией первых 100 дней его пребывания в Белом доме в марте — июне 1933 г., невозможно переоценить. Ключ к объяснению этого явления не только в личном обаянии 32-го президента США, а прежде всего в замечательной жизнеспособности и, как мы видели, исторической долговечности предложенных им решений, сочетании «земных» и всем понятных целей с перспективным мышлением авторов американской перестройки, востребованности предложенного ими проекта последующими поколениями людей, живущих в разных странах и на разных континентах. Революция сверху 1933–1939 гг., чем в действительности и был «новый курс», — явление само по себе не новое в политической

истории, названная по праву многими современниками «рузвельтовской революцией», не только изменила облик Америки, она по-своему выразила суть глобальных перемен — происходящих и грядущих. Совсем не случайно, как об этом пишет в одной из своих последних фундаментальных работ английский историк Эрик Хобсбоум, пропагандистская бомба президента-консерватора Рональда Рейгана на пике «холодной войны» («Империя зла») была направлена как против коммунистического Советского Союза, так и против памяти Франклина Рузвельта у себя дома, против государства «всеобщего благосостояния». «Его (Рейгана. — В. М.) врагом, — утверждает Хобсбоум, — был либерализм... так же, как и коммунизм».

Эпохи создают великих политиков. Великие политики дают имя великим эпохам. Но никто лучше самого Франклина Рузвельта не сознавал, что предложенный им «новый курс» не был обречен на успех, хотя и выражал назревшие потребности общества, проявившиеся в необычайно остродраматической форме. От начала до конца, от первой, встреченной с ликованием большинства народа фазы провозглашения целей реформ до заключительной фазы, когда он вынужден был говорить о жертвах, неудачах, утратах и даже об участии поначалу в непопулярной войне, программа преобразований нуждалась в поддержке миллионов безымянных американцев, разноликих по партийной принадлежности, но в сознании своей ответственности в час великих испытаний внутреннего и внешнего характера сплотившихся вокруг национального лидера.

Уникальное положение политика-кумира было завоевано Рузвельтом, избранным на пост президента четыре раза подряд, несмотря на страхи и ненависть одних, сомнения и удивление других. Рузвельт умер, когда ему было 63 года. Один из видных членов его «мозгового треста» Рэксфорд Тагвелл писал в 1971 г., что, если бы судьба добавила Рузвельту еще 20 лет жизни, он мог бы выиграть выборы и в пятый раз. Историк Шлезингер-младший победы Рузвельта объясняет его необычайной стойкостью и бесстрашием в политической борьбе и фактически равнодушием к врагам, внутренней уверенностью в своем превосходстве над ними. Инициатива с «перезагрузкой» советско-американских отношений, признание Советского Союза в 1933 г., через полгода после инаугурации, в присутствии потерявших дар речи оппозиции и патологических русофобов не нуждаются

в дополнительных пояснениях. Победу над людьми, для которых время остановилось в 1918 г., Рузвельт до конца жизни считал важным достижением своей личной дипломатии. Государственный департамент был отстранен им от участия в переговорах.

Помимо бойцовских качеств Рузвельт был отмечен и еще одной крайне важной чертой. Он был убежден, что история на его стороне благодаря лучшему, чем у его засидевшихся в стоячем болоте архаичных представлений оппонентов, пониманию особенностей наступившей после Великой (Первой мировой) войны эпохи, отмеченной появлением нового пришельца — времени коренных перемен в мировой политике, экономике, психологии и морали. Он отчетливо видел, как шло накопление экономических трудностей, замаскированных кричащей роскошью финансового сектора, разжившихся на военных деньгах нуворишей, признаки недолговечности затишья в сфере социально-расовых отношений, нарушение привычного соотношения мировых сил и нарастание глобальной военной опасности, особенно в Азии.

Если кто-то не преследует неблагоприятной цели изобразить Рузвельта демократом-хамелеоном, изменившим своему классу, или тайным пособником чьих-то чуждых Америке внешних интересов, то он непременно увидит Франклина Делано Рузвельта в контексте времени и убийственных рисков, подстерегавших его после выборов осенью 1932 г. Это же время объясняет двойственность и непоследовательность многих его поступков и одновременно выносит им оправдательный приговор. Очень верно сказал о нем публицист и писатель Линкольн Стеффенс в одном из своих писем: «Рузвельт молча несет на своих плечах бремя времени».

Рузвельт был наделен пытливый умом, особым даром мужественно сносить невзгоды, который многие предпочитают называть притворством артистической натуры, и, как это ни может показаться парадоксальным, осторожностью и неторопливостью в подходах к возникающим проблемам. Прекрасный знаток дипломатии Рузвельта историк Уоррен Кимбалл нашел верную характеристику его манеры поведения. Он пишет: «Его откладывание “на потом” трудных решений, его уход от конфликтов, его запрятывание поднадоевших проблем под ковер — все это было частью нормального человеческого желания не вступать на мост, пока кто-то раньше не сделает первого шага. Мы все сталкиваемся с несовместимыми желаниями и целями, но мы игнорируем эти противоречия, пока сами не оказываемся перед

необходимостью “переходить через мост”». Как водится, заключает Кимбалл, каждый, кто изучает Рузвельта, пересекает этот мост десятки раз в течение дня, как это, но только в конечном счете, делал он сам в реальной жизни. Историк, однако, обязан видеть различие между тем, кто делает историю «в предлагаемых обстоятельствах», и тем, кто ее всего лишь излагает на бумаге, правда, в стремлении объяснить все на свете.

Рузвельт являл собой продукт истории и в четко отведенной им самим нише был ее творцом и исполнителем. Неверно относить его к разновидности заурядных прагматиков, находившихся всецело во власти узкого практицизма, не отягощенного принципами. Он верил в ценности американизма и демократии, но никогда не бравировал этим. У него были твердые политические убеждения, и для того, чтобы составить о них представление, лучше всего обратиться к тем его предшественникам, которые вызывали в нем если не желание подражать, то, по крайней мере, особые симпатии или даже нечто очень похожее на духовную близость. Первым в этом ряду стоял Томас Джефферсон, который «снова возвратил правительство Америки простому избирателю...». Вторым — Авраам Линкольн с его знаменитым «ни к кому со злобой, ко всем с милосердием». Третьим — Теодор Рузвельт, подражая которому Франклин Делано Рузвельт позиционировал себя перед собравшейся аудиторией словами своего дальнего родственника «прогрессивным демократом с акцентом на слове “прогрессивный”». Четвертым — Вудро Вильсон, «давший миру пример подлинной демократии».

«Новый курс» как стратегия и мобилизующая идея выхода из кризиса был активно и пассивно поддержан миллионами американцев — от простых тружеников до значительной части политико-экономического истеблишмента, скрепя сердце признавшего, что время классического капитализма, функционировавшего по формуле «Локк плюс Новый Свет», прошло и что следует смириться с пожарными мерами в духе кейнсианства, хотя никак нельзя сказать, что сам Рузвельт был прилежным последователем его основоположника. К тому же, несмотря на все опасения перед реформами «повелителя — прожигателя жизни», сохранялось внутреннее убеждение, что они не перерастут в сокрушение основ, в эксперименты ради экспериментов, в отмену законов о собственности и самой собственности, в ломку конституционного уклада. Чуть позже возникла еще и уверенность,

что Рузвельтом и его сподвижниками был найден единственно верный тон в процессе осуществления антикризисной программы. Призыв к преодолению страха и отчаяния через солидарность, сотрудничество с открытой, в мгновение ока перестроившейся властью, не оставляющей без внимания имущие классы, но одновременно осуществившей поворот лицом к «забытому человеку», вызвал прилив коллективного оптимизма, от которого, по Кейнсу, зависит большая часть (в отличие от ожиданий, основанных исключительно на расчетах и стремлении к выгоде) позитивных устремлений общества, желание во всех его слоях побороть апатию и безнадежность, начать вновь действовать. Этот «психологический множитель» создавал особую энергетику рузвельтовского либерализма, удерживал его в рамках заданного кровотока, помогал преодолевать нараставшее сопротивление, болезненную и опасную аритмию в действиях государственного аппарата, затухание энтузиазма реформаторов и их сторонников, неудачи и поражения...

...Франклин Рузвельт и внешняя политика — особая тема. Формирование его взглядов проходило в период выхода США на мировую арену в качестве великой державы. О мировой ситуации и месте в ней Соединенных Штатов после отказа сената ратифицировать Версальский договор Рузвельт, посягнувший на выборах 1920 г. в тандеме с кандидатом в президенты США Джеймсом Коксом на должность вице-президента США, судил применительно к меняющейся в сторону консерватизма обстановке в духе умеренного вильсонизма и осторожной, ненавязчивой критики изоляционизма. «Две большие проблемы, — говорил он, — предстоит решить будущей администрации, наши отношения с миром и настоятельная нужда организации: прогресса внутри страны». И добавлял: «Невозможно жить в мире и одновременно не быть его частью». Кто мог возразить? Историк У. Кимбалл прав — трудно провести нюансированную систематизацию идеологических взглядов Франклина Рузвельта на мировую политику, как они сформировались в период бурной индустриализации (конец XIX — начало XX в.), обострения межимперских противоречий и складывания военно-политических блоков в первое десятилетие XX в., подъема антиколониальных движений, социальных революций и мировых войн. Они менялись или оставались размытыми. «В действительности, — пишет он, — Франклин Рузвельт не был ни реалистом, ни коммунистом,

ни прогрессистом, ни либералом, ни любым другим, обозначающим политические убеждения удобным словечком, часто употребляемым для того, чтобы избежать анализа. Он был ФДР».

Рузвельт и сам говорил, что он не является приверженцем какого-либо «изма». В какой степени данное свойство сказалось на «слабостях рузвельтовского руководства перед лицом мирового кризиса 1930–1939 гг.», как об этом писал Роберт Шервуд, еще предстоит рассказать. Однако этот недостаток был компенсирован ассоциативным мышлением, предпосылкой которого были и воспитание, и прекрасно развитое чувство истории, и уважение к взглядам оппонента (ими мог быть Черчилль или Сталин), и прогностические способности. Отчасти этим объясняется то, что Франклину Рузвельту в отличие от его предшественников — Уильяма Маккинли, Теодора Рузвельта, Вудро Вильсона, Калвина Кулиджа, Герберта Гувера и большинства его восприимчивых, президентов, «поселившихся» в Белом доме после Второй мировой войны, — удалось избежать крайней идеологизации своей внешней политики, заявив, однако, себя решительным противником фашизма, колониальной экспансии и сторонником коллективной безопасности. Он настороженно относился к идее «Американского века», хотя она и принадлежала его кумиру Вудро Вильсону и американскому газетному магнату Генри Люсу. Пожалуй, Рузвельту раньше Джорджа Кеннана стала ясна бесплодность «застарелой тенденции американцев судить о других в зависимости от того, в какой степени они ухитряются стать похожими на нас».

Столкнувшись с фактом послеверсальских изменений в составе и характере мирового сообщества, появления агрессивных тоталитарных режимов и непрерывного роста реваншизма, Рузвельт еще до избрания президентом с каждым годом утверждался в мысли, что, отгораживаясь «китайской стеной» от внешнего мира и единолично прибегая к силе в интересах «Первой новой нации», Вашингтон наносит двойной урон стране. Теряет уважение поверивших в американское миротворчество союзников в войне с кайзером и лишает себя возможности в критических случаях воспользоваться содействием третьих стран, «соседей», действовать, консультируясь с ними. В Рузвельте говорил противник односторонних действий (унилетарализма в стиле дипломатии «большой дубинки» Тедди Рузвельта) и силовых приемов.

Оставаясь вильсонистом, Рузвельт в условиях сильнейшего прессинга изоляционистов эпохи «процветания» искал обход-

ные пути для воплощения в жизнь собственного «Плана мира», модифицированной идеи коллективной безопасности, призванной искупить вину американского конгресса, отказавшегося ратифицировать устав Лиги Наций и лишившего тем самым Соединенные Штаты возможность играть в ней, как выразился сам Рузвельт, роль «Большого брата». Задача эта не входила в перечень первоочередных озабоченностей Франклина Рузвельта, одного из фаворитов Демократической партии после ее поражения на выборах 1920–1924 гг. Он проявлял весьма двойственное отношение к самой идее наделения Лиги Наций функциями реального арбитра в международных конфликтах и приведения противоположных сторон к миру и в годы европейского кризиса накануне Второй мировой войны. К вопросу о будущем мироустройстве и мирохозяйственных связях он вернулся снова уже в годы Второй мировой войны в рамках обсуждения «большой тройкой» планов послевоенного устройства мира и практических шагов, обозначенных в Атлантической хартии (1941 г.). Итогом стало рождение Бреттон-Вудской системы, ООН и наказание военных преступников <...>.

<...> Моральный фактор рузвельтовской дипломатии «карантина» для агрессоров при всех справедливых критических отзывах о ней современников и последующих противников политики «умиротворения» имел существенное значение как символ сопротивления и напутствия сторонникам реального антифашизма. Его отказ открыто противостоять агрессии против Эфиопии, Испании, Китая, Австрии и Чехословакии, его театральные жесты и запоздалое миротворчество вызывали по меньшей мере непонимание всех, кто видел во всем этом поощрение агрессивных держав и ничего другого. Но сегодня очевидно, что в сложнейшей обстановке конца 30-х годов и предвоенного общеевропейского кризиса Рузвельт поставил на преодоление раскола американского общества, который грозил ему накануне избирательной кампании 1940 г. вместе с поражением всех тех, кто выступал против нейтралитета Америки, за укрепление обороноспособности страны и поддержку тех сил в Европе, которые реально либо вступили в войну со странами «оси», либо неизбежно должны были это сделать.

В этой точке кризиса с его непредсказуемым исходом Рузвельт избирает самый извилистый и часто непостижимый для окружающих путь к цели, которую он ставил перед собой. «Вы начинаете

игру, — вразумлял он сына, рассуждая о войне как о данности, которую нельзя избежать и которая требовала прибегать к хитростям и уловкам, — ту же самую, что велась всегда, и вы ведете эту игру, чтобы одержать победу». Известна знаменитая «издевка» Рузвельта по поводу его собственного стиля поведения, высказанная в разговоре с министром финансов Генри Моргентау в 1942 г. и ставшая эпиграфом для многих исторических сочинений. «Вы знаете, я фокусник, и я никогда не позволяю моей правой руке знать, что делает моя левая рука». Далее следовало пояснение: «Я могу быть полностью непоследовательным, и, кроме того, я не остановлюсь перед отступлением от истины, если это поможет мне выиграть войну».

После Мюнхена антифашисты по обе стороны океана наградили Рузвельта обидным прозвищем «американского Чемберлена», хотя, как об этом косвенно говорят источники, уже весной 1941 г. Рузвельт пришел к однозначному выводу, что США вступят в войну с державами «оси». Перелом наступил после того, как в декабре 1940 г. стало известно от надежного информатора в Берлине, что Гитлер и его генералы приняли план «Барбаросса» — план молниеносного уничтожения Советского Союза, лишив Англию всяких надежд на отвлечение основных сил вермахта от большой десантной операции на Британских островах.

В годы войны самой закрытой стороной рузвельтовской дипломатии был тот ее сегмент, который пользовался пристальным вниманием президента, — отношения с коммунистическим союзником, сталинским Советским Союзом. Вот здесь, в рамках возникшего прямого диалога Вашингтона и Москвы по ряду вопросов, способность к мимикрии президента проявилась в полную силу. Вот эти вопросы: второй фронт, атомное оружие, польский вопрос, Прибалтика, Дальний Восток. Впрочем, многое навсегда осталось тайной. Однако Рузвельта больше всего тревожили сохранение и работоспособность «большой тройки» — Рузвельт, Сталин, Черчилль. И часто невидимым путем он снимал возникающие тяжелые конфликты, готовые взорвать коалицию, и тем не менее еще некоторые исследователи продолжают спорить, что помогло президенту сохранять от развала этот «странный» союз во имя будущей совместной работы над созданием новой структуры мира, хотя резкий поворот Черчилля в апреле 1945 г. не сулил ничего хорошего.

Впрочем, точно угадать, каким мог стать переход к миру после окончания войны против фашизма («хорошей войны»),

как называли ее американцы), если бы Рузвельт продолжал оставаться в должности президента, было невозможно. Причин тому множество и помимо Черчилля и Сталина. И одна из них, признает самый авторитетный биограф Рузвельта Артур Шлезингер-младший, сам тридцать второй президент США, некоторые планы которого оставались до самого его ухода из жизни невысказанными или не до конца понятными. «Мистическая фигура ФДР, — пишет он, — становилась еще более мистической благодаря его собственному пожеланию казаться непостоянным и склонным к экспромту. А может быть, и в самом деле он был в одно и то же время ясновидящим, удачливым, непостоянным и склонным к экспромту? Что очевидно, так это то, что он был агрессивным, дотошным и неутомимым в смысле постановки задач перед своей администрацией и в то же время осторожным в смысле признания, особенно в сфере внешней политики, зависимости от процесса согласия внутри страны. И как следствие, он был непоследовательным. Непоследовательность легко овладевала им, она всегда была методом преодоления неприятностей и в его личной жизни — Сара против Элеоноры, Элеонора против Люси, Элеонора против Луиса Хоу и т. д. и т. п. Рузвельт — это ярчайшая фигура. Возможно, он вовсе и не великий человек, но без сомнения великий президент».

